

Полковник Гуров

Николай Леонов

Сын банкира

«ЭКСМО»

2008

Леонов Н. И.

Сын банкира / Н. И. Леонов — «Эксмо», 2008 — (Полковник Гуров)

Из элитного детского пансионата похищен сын американского банкира. Полковник Гуров приходит к выводу, что в деле замешан один из преподавателей. Выйдя на след подозреваемого, Гуров и Крячко понимают, что преступник активно замечает следы, опережая сыщиков на полшага. Похититель безжалостно устраняет всех возможных свидетелей. Следствие заходит в тупик, когда среди жертв обнаруживается тот, кого милиционеры считали главным подозреваемым... Книга также выходила под названием «Надежней кляпа только пуля».

© Леонов Н. И., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	27
Глава 5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Николай Леонов, Алексей Макеев

Сын банкира

Глава 1

...Генерал-лейтенант Орлов смотрел на Льва Гурова и Станислава Крячко чуть исподлобья, словно внутренне готовился к совсем не душевному разговору. Минуту назад он вызвал их к себе, оторвав, что было уже явлением заурядным и в чем-то даже привычным, от текущих, но тем не менее важных дел.

Приятели сидели напротив, молча глядя на него, но у каждого на лице высвечивалось что-то свое, присущее только его натуре. Лев Гуров был сама безмятежность, и только в его глазах временами проскальзывали искорки иронии. Он уже понял подоплеку аврального вызова к Петру и заранее просчитывал, на какой минуте разговора ему придется, отбросив какие бы то ни было амбиции, сказать обычное в таких ситуациях «да».

Станислав, в отличие от него, являл собой клубок неудержимо рвущейся наружу неумной энергии, всплески которой отражались на его лице гримасками недовольства и нетерпения. Казалось, еще секунда, и он сорвется с места.

Пауза длилась всего несколько секунд, но она вместила в себя бездну самых противоречивых эмоций и настроений. С отрывистым вздохом, побарабанив по крышке стола и не менее нервно закулив, Орлов единым выдохом сообщил:

– Дело, братцы, дрянь!

Гуров и Крячко молча переглянулись, как бы одновременно констатируя: теперь уж точно с живых не слезет и навяжет что-то замороженное – как пить дать.

– Да, друзья, вы правильно догадались, – швырнув чуть раскуренную сигарету в пепельницу, через край набитую такими же чинариками, Петр утвердительно кивнул, – хочу поручить вам дело чрезвычайной важности и – самое главное – срочности. Сразу же ставлю в известность: оно взято министром под личный контроль. Так что проникнитесь осознанием ответственности, которая ложится на наши плечи. Это относится и ко мне. А если не проникнемся и не оправдаем доверия руководства, то ответственность потом с наших плеч, конечно же, снимут. Но только вместе с погонами.

– Судя по пафосу, догадаться нетрудно, что с «пряниками» опять явный напряг, а вот «кнутов», как водится, в избытке, – без тени улыбки резюмировал Гуров, хотя в его голосе чувствовалась все та же внутренняя ирония. – Раз уж речь зашла о погонах, то попробуй не проникнись... Впечатляют, как говаривал Хрюн Моржов.

– Лева, Лева!.. – Орлов метнул в его сторону укоризненно-гневный взор. – Твое ерничество тут абсолютно неуместно. Постоял бы, как я, «на ковре», воспринимал бы сложившуюся ситуацию совсем по-другому. А она и в самом деле предерьмовейшая. Суть дела вот в чем. Вчера вечером в наше министерство примчался директор какого-то подмосковного закрытого детского пансионата. Ну, такого элитарного, для чад всевозможных толстосумов. У него произошло ЧП. Два дня назад, в минувшую субботу, бесследно исчез один из отдыхающих. Это подросток двенадцати лет, сын бывшего гражданина СССР, ныне – подданного США, крупного бизнесмена, банкира, вхожего во властные коридоры тамошних верхов. Дошло? Не дай бог, с пацаном случилось что-то скверное, – международного скандала нам не миновать. Это ударит по престижу нашего государства, это может повлечь срыв уймы контрактов, всевозможных гуманитарных проектов... Политические издержки могут быть огромного масштаба. Так что будьте уверены: в случае прокола – шишки на нас посыплются градом.

– А какого хрена он поперся сразу в министерство, этот директор долбаный? – Лицо Стаса выражало недоумение. – По идее-то обращаться он должен был в местный райотдел. Или к нам, в конце концов.

– Какого, какого... Один из замов министра, оказывается, доводится ему то ли кумом, то ли сватом. А в райотдел, между прочим, ехать ему нет никакого резона. Сами понимаете, что за его пансионатом скорее всего могут шпионить папарацци. А тут – такой казус! Да он только появившись в тамошнем райотделе – уже через пять минут «желтая» пресса будет знать о случившемся во всех деталях и подробностях. Это, понятное дело, антиреклама в первую очередь его заведению. Но и престиж государства, престиж его правоохранительной системы понесет немалый урон. Поэтому ставлю задачу так: отговорки отставить, приступить к поискам немедленно. Мальчик должен быть найден, разумеется, живым и невредимым, максимум через семьдесят два часа.

– Что-о?! – разом отреагировали Гуров и Крячко, едва удержавшись от реплики типа: «Может, тебе еще и кофе в постель?»

– Да-с, ваше превосходительство-с, уж напряг так напряг – по полной программе. – Крячко ошеломленно покрутил головой. – Мы, я так понял, в твоём представлении то ли волшебники, то ли еще какие-то там чудотворцы. Три дня... И это при том, что теми олухами упущена бездна времени. Он что, этот хренов директор, сразу к нам обратиться не мог? А теперь через два дня – ищи-свищи! Хоть уж расскажи, как там у них это случилось.

– Вот это другой разговор. – Петр облокотился на стол, сцепив меж собой пальцы рук. – Как я уже сказал, это элитарный пансионат, где всего один день пребывания ребенка обходится его родителям в тысячу долларов. Минимальный срок пребывания – двадцать дней. Итого, двадцать тысяч «зеленых». Но пансионат, как вы можете догадаться, не пустует. Справки о нем я уже навел. Это бывшая профсоюзная здравница, где в свое время отдыхали шишки не ниже областного уровня. Лет семь назад ее выкупил некий крупный коммерческий банк и реорганизовал в детский пансионат. Конечно, в первую очередь банкиры купили его для своих чад. Но, чтобы обеспечить заполняемость, сделали доступным для всех желающих. Разумеется, располагающих соответствующими денежными средствами. Обстоятельства случившегося таковы. Никто за этим мальчонкой каких-либо настроений удирать не замечал. Два дня назад во время послеобеденного отдыха он куда-то отлучился – и все. Исчез бесследно. Они его искали по всей территории, но он как сквозь землю провалился.

– А где он находится, этот пансионат? – о чем-то думая, поинтересовался Гуров.

– Километрах в девяноста от Москвы. Место там, говорят, действительно роскошное. Сохранилась даже настоящая дубрава, с одной стороны территорию пансионата огораживает речка... Как ее? По-моему, Бобруха. С другой стороны – озеро. Его названия вообще ни разу не слышал. Но это неважно. Сам пансионат построен на холме. Его территория окружена кирпичной стеной почти трехметровой высоты, по ее внутреннему периметру постоянно курсирует специально подобранная и подготовленная охрана. Вход и выход строго с разрешения директора или по пропускам. Так что и туда случайные люди проникнуть не могут, и отдыхающим выйти оттуда нелегально, по сути, невозможно.

– И все же он исчез... – с саркастичной усмешкой констатировал Крячко. – Да-а... Вот они, издержки бытия супербогатых в весьма небогатой стране. И они сами, и их дети обречены жить в своих роскошных гетто. А что? Иначе это и не назовешь.

– Ладно, философию оставим на потом, – отмахнулся Орлов. – Сейчас нужно сосредоточиться на поисках пропавшего отпрыска миллионера. Почему я отвел на это всего семьдесят два часа? Да потому что, по словам директора пансионата, через три дня прилетает папаша-банкир. И вот к его прибытию нам нужно результативно закончить поиски. Мальчика мы обязаны найти, как говорится, кровь из носу. Да что вам объяснять? Сами все прекрасно понимаете.

– Понимаем, понимаем... – согласился Гуров, устало потерев костяшками больших пальцев крепко зажмуренные глаза. – Так, теперь что нам известно о самом банкире? Как его зовут, что это за птица, откуда у него столько денег? Уехал-то он в Америку еще во времена СССР. Значит, с собой сундук золота в ту пору вывезти мог едва ли. Хотелось бы знать, есть ли у него там и здесь заклятые враги, с кем дружит, с кем конкурирует, каковы экономические и прочие интересы в России и других странах мира. Ведь нельзя исключать и того, что его сына выкрали с целью получения выкупа.

– Очень жаль, но я знаю об этом банкире крайне мало. – Орлов выразительно развел руками. – Вернее, вообще ничего не знаю. Знаю только лишь, что зовут его Майкл Кулькофф, что следует понимать как Михаил Кульков. Ну а поскольку он является банкиром, то в силу профессиональных обязанностей занимается финансовой деятельностью. Он, если я правильно понял директора пансионата, член совета директоров объединения «Сауф-Сити-Бэнк». Есть у него акции в крупной паровой компании, правда, не контрольный пакет. Владеет он и несколькими большими земельными участками в Техасе, предположительно в нефтеносном районе.

– Понятненько... Что пока что ничего нам не понятненько, – привычно пошарив по карманам и не найдя там сигарет, задумчиво обронил Гуров. – Прежде всего нам нужно установить истинную подоплеку случившегося. Зная это, нетрудно будет понять: сбежал ли мальчик сам или ему в этом кто-то «помог», а заодно прикинуть, куда он делся и где может находиться сейчас. Ладно, будем искать. Мы к себе, посидим, помозгуем.

– Давайте, ребята, давайте! – Петр был явно обрадован тем, что приятели согласились взяться за дело, не углубляясь в долгие дискуссии. – Чуть что выяснится или появятся какие-нибудь вопросы, возникнут проблемы – сразу же звоните или забегайте. Дело, напоминаю, чрезвычайное.

– Вопросы, говоришь? – поднимаясь с кресла, Гуров с хрустом потянулся. – Конечно, есть. И уже сейчас. Нужен максимум информации об этом банкире. У нас в управлении, надеюсь, найдутся ребята с хорошим знанием английского? Пусть поработают в Центральной библиотеке, перероят американскую периодику – газеты, журналы, хотя бы за последние месяцы. Вдруг что-то интересное обнаружится?

– Добро, – Петр решительно кивнул. – Пару человек найдем. А ты что это весь какой-то взъерошенный? Не выспался? – неожиданно переменял он тему.

– Так ведь сам же знаешь, что почти всю ночь мотался по городу с омоновцами. Сразу троих «клиентов» взяли. Это последние из банды Гоблина. Одного прямо из постели вытащили.

– Понятно, понятно... Ну, что тут поделаешь? Лева, я тебе сочувствую, но... Отоспишься потом. Хорошо? Ну, пойми: поджигает нас время, просто дико поджигает.

– Я это уже понял, – усмехнулся Гуров, выходя из кабинета.

Войдя в их со Стасом рабочий кабинет, Гуров несколько раз прошелся из угла в угол, затем сел за стол, заваленный бумагами. Небрежно сложив их, он сдвинул бумажный курган на край и, опершись локтями, глубоко задумался. Стас остановился у окна и воззрился на проплывающие в небе облака.

– Ну и что ты обо всем этом думаешь? – после минутного молчания обернулся он к Гурову.

– Петр прав – дело действительно дрянь. – Лев напряженно смотрел в никуда, болтая зажатой меж пальцев авторучкой. – Надо же, а? Элитарный детский пансионат, называется... А бардак – хуже, чем в любом из тех пионерлагерей, где мне когда-то довелось, так сказать, отдыхать. Так бездарно распорядиться временем! Вот и получается, что из-за недалеких осто-лопов мы опять – на ровном месте, да мордой об асфальт. Ладно... Ближе к делу. Что в данном случае можно было бы предположить? Самое простое, что приходит на ум, – залез, бедолага,

в какую-нибудь нору, колодец, шахту, где и оказался в западне. Если это действительно так, то дай бог, чтобы он до сей поры еще был жив.

– Но Петр сказал, что они искали его два дня подряд. Наверняка проверили каждую щель, каждый уголок, – держа руки в карманах, Стас с сомнением хмыкнул. – В конце концов, свой объект они должны бы знать досконально. В том числе и все дыры, все норы.

– Думаешь? – Гуров с сомнением покачал головой. – Ты наше здание хорошо знаешь? Вот работаем мы здесь уже давно, а спроси тебя, сколько ступенек на лестнице между первым и вторым этажами – вряд ли скажешь. Хорошо, если припомнишь, сколько всего дверей по нашему коридору.

– Э-э-э... Восемь! Нет, девять! – с видимым облегчением вспомнил Крячко.

– Вот-вот. А ступенек, между прочим, двадцать одна – три пролета по семь штук. Так что и в пансионате могут знать далеко не все. Поэтому начинать нам придется именно с этого – самим пройти по территории и все проверить. И не за два дня, а за пару часов. На раскачку времени нет...

– Хорошо. А как ты смотришь на то, что пацан просто сбежал оттуда? – с некоторым вызовом поинтересовался Стас.

– Нельзя исключать и этого, – согласился Гуров. – Хоть там и стена, и охрана, но при желании можно сбежать откуда угодно. Особенно такой мелюзге, которая и через замочную скважину пролезет. Но тут возникают вопросы: почему он сбежал и куда мог деться?

– Почему-почему... – Крячко глубоко задумался. – Во-первых, условия в пансионате могли оказаться совсем не такими, к каким он привык. Во-вторых, могли не сложиться отношения со сверстниками. Ну а куда он мог податься, раз не вернулся в пансионат?.. Куда?.. Это – вопрос. Если у него где-нибудь поблизости нет родни, то вопрос остается открытым. Слушай, а так не могло получиться: он по какой-то причине погиб в пределах пансионата, а директор наводит тень на плетень? Ну, кому хочется отвечать? Вот и придумал байку про таинственное исчезновение.

– Маловероятно, – категорично усомнился Гуров. – Слишком многие могут об этом знать. А это – как шило, которое в мешке не утаишь.

– Хорошо... – судя по всему, фантазия Стаса разыгралась не на шутку. – А вдруг он стал свидетелем каких-то противозаконных действий администрации? Например, какой-то аморалки в отношении детей? Его могли устранить как нежелательного свидетеля.

– Вероятность тоже невелика, – чуть поморщился Гуров. – Хотя... В рабочем порядке можно будет провентилировать и это. Но в первую очередь будем придерживаться наиболее реальных версий – несчастный случай на территории, ну и побег из-за какого-нибудь конфликта с приятелями. Кстати, если ты помнишь, рядом с пансионатом есть речка и озеро. Не надумал ли он искупаться? Вот это для нас был бы самый нежелательный вариант.

– Думаешь, он мог утонуть? – Крячко достал сигарету и как-то механически закурил. – А ведь и в самом деле... Раз не вернулся, при том, что ему скорее всего податься некуда, то... Туды твою!.. Тогда надо организовывать водолазов.

– Погодим с водолазами. – Гуров встал из-за стола. – Сначала оценим обстановку. Ну что, на взлет?

Из ящика стола он достал новенький кейс, которым обзавелся не так давно, чтобы возить с собой все самое необходимое. Не в меру любопытный Станислав свой нос туда уже совал, обнаружив в чемоданчике уйму занятых вещей – бинокль, мощную лупу, диктофон, фонарик и даже специальный сканер, считывающий сигналы автомобильных противоугонных устройств.

Достав из сейфа «штейр», Лев проверил предохранитель и привычным движением сунул пистолет в кобуру под мышкой. Стас тоже достал из сейфа «макаров» и спросил, протирая вороненую сталь мягкой тряпочкой:

– Вооружаемся? Считаешь, что там это пригодится?

– Запас карман не рвет, – чуть заметно усмехнувшись, Гуров направился к двери. – Мы – опера. А опер без пистолета – все равно что сантехник без разводного ключа.

Минут десять спустя служебная «Волга» со скоростью катафалка медленно ползла в плотном потоке машин, еще не успевшем поредеть после утреннего часа пик. Недовольно хмурясь, Стас сердито проворчал, обращаясь то ли к сидящему рядом с ним криминалисту, то ли сразу ко всем:

– Прямо чертовщина какая-то! Вчера ехал здесь же, в это же самое время, – никаких заморочек. Сегодня – пробка. Кстати, Лев, ты заметил? Стоит нам выехать по какому-то срочному делу, обязательно что-нибудь да случается: или пробка, или пурга, или гололедица... Безобразие, да и только!

– Не знаю... – Гуров пожал плечами. – Не обращал внимания. Доедем...

Анатолий, основательный, рассудительный, черноусый старший сержант, упорно маневрируя среди нагловатых иномарок, сумел-таки пробиться в боковые проулки, по которым вырулил на параллельную, менее загруженную улицу, и спустя полчаса машина помчалась по МКАД. Свернув на шоссе, убегающее прочь от столичной суеты, от кипучего сумасшествия мегаполиса, «Волга» явила неплохую прыть, обставляя одну за другой легковушки, бегущие в попутном направлении. Гуров рассеянно смотрел в окно, не обращая внимания на пролетающие мимо машины, на зелень соснового бора, подступающего к дороге с обеих сторон, на синеватые, подернутые рябью волн зеркала прудов, на пригородные поселки, изобилующие роскошными особняками московских толстосумов.

Промчавшись с полсотни километров по шоссе, «Волга» свернула влево на не очень широкую, довольно извилистую дорогу, по бокам огороженную рядами аккуратных бетонных столбиков. Анатолию в былые времена доводилось ездить в вэцэспээсовский санаторий, поэтому дорогу туда он знал хорошо. Снова повернув, теперь уже направо, он повел машину по дороге, плотно сжатой с обеих сторон высоченным, густым ельником и сосняком. Трасса заметно шла на подъем, и вскоре сосны сменились плотными шеренгами дубов и берез. Там, где дорога делала крутой поворот, в просветах между деревьями, где-то внизу, в полукилометре от них, блеснула серебряная лента неширокой речушки. Выписав последний зигзаг, дорога привела к узорчатым, кованым воротам в два человеческих роста, в обе стороны от которых шла почти такой же высоты, уже потемневшая от времени кирпичная стена с установленным поверху плотным частоколом острых железных штырей.

– Вот вам и бывшие «Золотые зори», – остановив машину, объявил Анатолий. – Прибыли!

Глава 2

Выйдя из автомобиля на обширную парковочную площадку перед воротами, Гуров огляделся. Место и впрямь здесь было живописное, располагающее к романтическим настроениям. Под порывами ветерка высоко над головой привольно шумели кроны старых дубов, между которыми, свесив почти до земли длинные зеленые косы, жизнерадостно белели березы. Но вдоль самой стены теснились высокие сосны. В воздухе витал терпкий запах дуба и ни с чем не сравнимый аромат разогретой на солнце сосновой хвои. Впечатление портила лишь темно-красная кирпичная кладка стен да упирающиеся в небо острия штырей. «Да, на детский пансионат это „гетто“ и впрямь смахивает не очень... – мысленно отметил Гуров. – Похоже хоть и на элитарную, но все же, скорее, колонию строгого режима».

Стас, тоже поглазев по сторонам, обратил внимание на ажурную арку, которая крутой дугой изгибалась над верхним краем ворот. Затеиловые завитки металлических букв, идущих по арке, извещали: «Пансионат „Гайавата“».

– Это что еще за Гай-а-ва-та? – удивленно прочел он по слогам. – Что это за ерундень?

– Герой индейского эпоса, – пояснил Лев. – Ну, это он у них – как у нас былинные герои. Он там и самый могучий, и смекалистый, и вещи у него есть волшебные. Вот как у нас в сказках – семимильные сапоги-скороходы, а у индейцев – скоростные спецмокасины.

– Лева, я всегда был уверен, что твоя эрудиция – не для средних умов. Но знать про этого Га-ва-вату... – ну, в общем, ты понял – даже для тебя как-то уж слишком! – Стас с наигранным восхищением по-восточному зацокал языком. – О! Похоже, нас заметили.

Он указал на приоткрывшуюся железную дверь в стене справа от ворот, из-за которой выглянул охранник в черной униформе.

– Вы к кому? – хмуро спросил он, выжидающе глядя на прибывших.

– Полковник Гуров, Главное управление уголовного розыска. – Лев подошел к двери и показал охраннику удостоверение.

– Полковник Крячко. – Стас тоже продемонстрировал свой документ.

– А! – Явив на лице выражение сообразительности, охранник закивал. – Вас уже ждут. Проходите, пожалуйста. Машину, если хотите, можно припарковать здесь на территории, на стоянке служебного транспорта.

Он за дверью нажал на кнопку, что-то щелкнуло, где-то загудел электромотор – и створки ворот медленно распахнулись. Гуров шагнул вслед за охранником внутрь проходной – просторной, светлой, отделанной декоративными породами дерева. За стеклянной перегородкой сидел еще один охранник, помоложе. За его спиной виднелась приоткрытая дверь, из-за которой доносился гомон мужских голосов и неспешно тянулись клубы табачного дыма.

– Дим, проводи этих господ к Эдуарду Вениаминовичу, – распорядился хмурый охранник.

– Прощу! – Выйдя из-за перегородки, Дмитрий изобразил жест гостеприимства.

Шагая по широкой, вымощенной фигурной плиткой площадке, на которой стояло около десятка новеньких машин, преимущественно иномарок, Гуров внимательно смотрел по сторонам, оценивая обстановку. Даже на первый взгляд было видно, что территория пансионата охватывает не менее десятка гектаров. От паркинга личных авто персонала в глубь территории вела достаточно широкая дорога, по обеим сторонам которой пышно зеленели кипарисы и туи. Саму площадку обрамляли клумбы, засаженные всевозможными экзотическими цветами.

Метрах в ста от ворот на пригорке красовалось высокое двухэтажное здание, возведенное в некогда популярном стиле ампира. Его средняя часть, украшенная колоннами, более высокая, чем примыкающие с боков крылья, судя по всему, была административной. В длинных крыльях, вероятнее всего, располагались жилые помещения и подсобные службы. Сбоку, за дере-

вями, виднелись хозяйственные постройки. На широком, открытом пространстве справа от здания, судя по всему, спортплощадке, было множество стационарных спортивных снарядов – турников, брусьев, трапещий и каких-то конструкций не очень привычных форм и расцветок, что говорило об их зарубежном происхождении.

Слева, на лугу, стояло более десятка непонятных конусообразных сооружений, похожих на чукотские чумы. Они образовывали круг, в центре которого стояло такое же сооружение, только более высокое. Между сооружениями дымились костры и сновали мальчишеские фигурки, одетые – что было заметно даже издалека – по всем канонам древней индейской моды: в кожаные штаны с бахромой, кожаные, расшитые безрукавки и головные уборы из бело-коричневых полосатых перьев.

– Вигвамы? – лаконично поинтересовался Гуров.

– Ну да... – кивнул Дмитрий. – Сегодня у пацанов занятия по метанию томагавка. Пару дней назад стреляли из лука. А еще до этого проходили подготовку по верховой езде.

– А у вас что, есть и своя конюшня? – оживился Крячко, равнодушный к лошадям.

– Нет, – флегматично ответил охранник, – на время подготовки арендуется ипподром.

– В общем, я так понял, ваш пансионат задуман как стоянка индейского племени? – утвердительно спросил Гуров.

– Да, года уже три идет эта игра. Ничего, ребятишкам нравится. – Дмитрий неопределенно пожал плечами. – Но, кстати, индейцами с ходу тут никто не становится. Новички живут исключительно в благоустроенных помещениях. Вначале они неделю-две проходят предварительную подготовку, потом – ритуал инициации...

– Ини... Чего-чего?... – Стас наморщил лоб.

– Посвящения, – пояснил Гуров. – Надеюсь, ритуал инициации в себя не включает какого-нибудь обрезания или глотания живых лягушек?

– Ну что вы! – рассмеялся Дмитрий. – Это как бы экзамен по всяким индейским искусствам – попасть из лука в мишень, накинуть лассо на вбитый колышек, кинуть томагавк не менее чем на пятнадцать метров и так далее. Прошедшему инициацию дается особое, индейское имя, там, «Серый Волк» или «Бурый Медведь»... Он имеет право носить индейскую одежду, свою, особую раскраску лица и жить в одном из вигвамов.

– Ночью-то там не мерзнут? – сочувственно поинтересовался Крячко.

– А чего мерзнуть? – Охранник снисходительно улыбнулся. – Пол застелен овчинами, под которыми толстенная войлочная кошма. А под кошмой в землю вкопаны специальные низковольтные обогреватели. Это не считая особых, походных постельных принадлежностей, где спальный мешок из гагачьего пуха – вещь обычная.

– Ну и питание у них, я так понимаю, не из одних сухарей? – снова спросил Гуров.

– Ну-у-у!.. – Дмитрий залился безудержным смехом. – Скажете тоже – сухарей... Да у них рациончик такой, что не во всяком ресторане увидишь в меню. Питание класса люкс.

– Тогда совсем непонятно... – Гуров развел руками, – Раз тут так хорошо, то как же могло случиться, что один из отдыхающих ударился в бега?

Улыбка тут же исчезла с лица Дмитрия, сменившись на тягостную озабоченность.

– Да, в принципе, я сам об этом мало что знаю, – неохотно признался он. – Вы лучше спросите об этом у нашего директора. Кстати, мы уже почти пришли, – указал он на входную дверь, виднеющуюся между колоннами.

В этот момент на лугу раздался хор воинственных кличей. Гуров и Крячко оглянулись и увидели «индейцев», которые, потрясая томагавками, устроили вокруг костра, взметнувшего высоко в небо столб пламени, какую-то ритуальную пляску.

– Да, не скучно тут у вас, – усмехнулся Гуров, поднимаясь по каменным ступеням.

– Вы правы... – грустно вздохнул охранник. – У нас не заскучаешь. Из-за чего тут и текучка. Даже зарплата людей не держит.

– Текучка?! – изумился Станислав. – А я-то думал, что сюда только по великому благу устроиться можно.

– По благу – да... – стараясь говорить потише, согласился Дмитрий. – Но попробуй, поработай, если среди этих «гавриков» иногда такие звереныши встречаются... Если чем-то не угодил, могут исподтишка облить краской одежду, машину, а то и запустить камнем в голову. До меня тут работал парень, так, говорят, до сих пор лежит в больнице. А что удивляться? У их предков денег – как у дурака махорки. Могут купить все, что угодно. И суд, и милиц... гм-гм... ну, в общем, все и везде у них схвачено, за все заплачено.

– Ну а тот, что исчез, тоже из злыдней? – поинтересовался Лев.

– Нет, этот был мальчонка неплохой. – Дмитрий изобразил мину безусловного одобрения. – Такой уважительный, дисциплинированный, неизбалованный... Если честно, то он вообще не был похож на миллионерского сына. Пацаны, в принципе, его уважали и с ним считались. Но он все равно, вот не знаю почему, был среди них как белая ворона. Ну, понятное дело – американец! Вырос-то он в Штатах. У них, говорят, и миллионеры могут ходить по улице в драных джинсах. Не то, что у нас: чуть подзажирел – все остальные для него отстой и быдло. Эх, что ж это я разболтался?! Мне пора на свой пост, – кивнув на прощание, Дмитрий торопливо зашагал к проходной.

Распахнув полированную тяжелую дубовую дверь, сработанную хорошим краснодеревщиком, опера вошли в высокий, просторный холл, напоминающий какую-нибудь графскую гостиную. Под сводчатым, украшенным лепниной потолком висела большущая, чуточку аляповатая люстра, какие когда-то имели обыкновение вешать на столичных железнодорожных вокзалах. В углу темнел окруженный кованой решеткой зев камина, на второй этаж вела беломраморная лестница с перилами из дорогого дерева, украшенная резьбой и литыми фигурными бляхами из начищенной бронзы. Мрамор, мозаика, позолота, витражи, зеркала в роскошных рамах, ковры, дорогая мебель – все это выглядело несколько кричащим и даже крикливым. По холлу, протирая подоконники и карнизы, огромные вазы, установленные по углам справа и слева от входа, в форменной спецодежде ходила женщина средних лет.

– Здравствуйте. А как бы нам увидеть вашего директора? – спросил Лев, остановившись у порога.

– Здравствуйте... – женщина удивленно обернулась в их сторону. – Кабинет Эдуарда Вениаминовича на втором этаже. Идите вот по этой лестнице, там увидите.

Судя по интерьеру второго этажа, здесь на обстановку тоже не поскупились. Подойдя к двери со сверкающей табличкой «Секретарь», Гуров взялся за начищенную до блеска литую, антикварного вида ручку, но дверь неожиданно распахнулась, и он увидел перед собой молодую особу в наряде «от кого-то». Сияя приветливой улыбкой, та отступила назад, приглашая войти.

– Вы из уголовного розыска? – промурлыкала секретарша, одарив оперов загадочно-томным взглядом. – Проходите. Эдуард Вениаминович ждет вас.

– Благодарю, – сдержанно улыбнулся Гуров и пошел по дорожному, яркому туркменскому ковру ручной работы к двери с табличкой «Директор пансионата „Гайавата“ Цирюльский Эдуард Вениаминович».

Стас, пробежав оценивающим взглядом по весьма недурным формам девушки, постарался изобразить на лице что-то дружелюбное и, сдерживая тягостный вздох, поспешил за Гуровым. В этот момент из директорского кабинета вышел моложавый, рослый брюнет в отменно сидящем дорогом костюме, который, видимо, на ходу завершая разговор с хозяином кабинета, бросил через плечо:

– Хорошо, хорошо, я сейчас же это проверю!

Затем брюнет стремительно проследовал мимо оперов и покинул приемную.

Несмотря на эту поспешность, Гуров успел заметить, с каким едким вниманием он покоился в их сторону. Брюнет явно не остался равнодушен к появлению двух незнакомцев. Впрочем, находясь у директора, он вполне мог знать, кто и зачем приехал в пансионат. Скорее всего, Цирюльского уже известили о прибытии сотрудников уголовного розыска. «Занятный малый... Он явно знает, кто мы такие, и это ему почему-то не нравится», – мысленно отметил Гуров, закрепляя в памяти всего лишь пару секунд виденные им черты лица брюнета.

Цирюльский оказался крупным, несколько даже тяжеловесным мужчиной с большой лысиной. Черный костюм на нем сидел довольно мешковато, и хозяин кабинета выглядел скорее не директором элитарного заведения, а завхозом какого-нибудь средненького дома отдыха былых времен. Увидев оперов, он встал из-за стола и вышел им навстречу.

– Чай, кофе? – радушно, но с оттенком горечи улыбнулся Цирюльский, указывая на кресла у столика, стоящего в углу подле большого, подсвеченного аквариума, в котором вальяжно плавали пышнохвостые, пучеглазые рыбехи, именуемые телескопами.

– Можно кофе, – простецки согласился Крячко, плюхнувшись в кресло и с интересом разглядывая рыбе царство.

– Ниночка, пожалуйста, три кофе, – нажав на кнопку селектора, попросил Цирюльский.

Почти тут же дверь кабинета распахнулась и, все так же сияя улыбкой, секретарша вошла в кабинет с подносом, на котором помимо трех чашек кофе стояла сахарница с белоснежными кубиками рафинада и вазочка с печеньем. Грациозно вышагивая своими красивыми ножками, Ниночка подошла к столику и не спеша расставила чашки, вновь повергнув в смятение впечатлительного Стаса. «Интересно, Цирюльский с ней спит?» – с некоторым оттенком затаенной ревности неожиданно для себя подумал он.

– Ну, что вам сказать, господа? – отпив кофе, Цирюльский горестно вздохнул. – Ситуация, думаю, вам уже известна. Вся надежда теперь только на вас. Сами понимаете: такое – и в страшном сне не приснится. Сколько существует наш пансионат, ничего подобного ранее не случалось. Коллектив, конечно, в шоке... Мы сейчас даже не знаем, что и думать. Если вас что-то интересует – спрашивайте. Отвечу на любые ваши вопросы.

– Расскажите поподробнее об обстоятельствах исчезновения мальчика и каким образом вы проводили его поиски, – тоже принимаясь за кофе, спросил Гуров.

– Обстоятельства... – Цирюльский беспомощно развел руками. – Ну, что я тут могу сказать? День был как день... Мальчики с утра занимались с преподавателем вопросами современного этикета, затем со своим основным наставником учились вязать узлы, как это делают индейцы. Работал с ними вожатый Данилов Виктор, хороший этнограф, года два он жил в Америке в одной из индейских резерваций. Он, кстати, даже был, как бы это сказать, принят в индейцы со статусом... э-э-э... ну, чего-то наподобие почетного вождя. Прекрасно знает их культуру, обычаи, в какой-то мере даже владеет языком. Мальчики его очень уважают, у меня к нему претензий нет, и я ему вполне доверяю. После обеда планировалась поездка в ангажированную нами школу бального танца. Там мальчики должны были в паре с девочками изучать премудрости этого искусства...

– Это что же, – рассмеялся Крячко, – они вот так и занимаются бальными танцами – в кожаных штанах, с перьями на голове?

– Ну что вы! – Цирюльский тоже невольно хохотнул. – Скажете такое! Конечно же, нет. Для этого есть специальные наряды, сшитые в лучших модельных домах Франции. Так вот, по словам Виктора Данилова, во время обеденного перерыва Алекс – так зовут пропавшего, куда-то незаметно отлучился. Его исчезновение Виктор заметил минут через пятнадцать, но все трое соседей Алекса по вигваму успокоили его, сказав, что их приятель никуда не денется, поскольку вроде бы мог засидеться в туалете. Но время шло, а Алекс не появлялся. Тогда Виктор, быстро проверив места, где мог бы находиться мальчик, и не найдя его там, поставил меня

в известность. Я тут же объявил тревогу, и всем пансионатом мы начали поиски. Проверили абсолютно все. Но он исчез, словно испарился.

– У вас в тот момент были какие-то версии случившегося? – отпивая кофе, спросил Крячко.

– Вначале мы предположили, что Алекс мог спрятаться где-то на территории. Ну, дети есть дети, знаете... Тем более что все тут построено на игре в индейцев. Но нигде не было обнаружено абсолютно никаких следов его пребывания – ни на чердаках, ни в подсобках, ни в подвалах... К тому же все такие... э-э-э... кризисные, что ли, места, где ребенок мог бы оказаться в опасной ситуации, у нас под замком.

– А в поисках кто участвовал? – допив кофе и отставив чашку, поинтересовался Гуров.

– Все. И педагогический персонал, и охрана, и сами дети... Все за него очень переживали. – Цирюльский тягостно вздохнул.

– И вот вы целых два дня всем пансионатом непрерывно – день и ночь – ходили, ходили, ходили... Заглядывали во все закоулки и спрашивали друг друга: «Ты его не видел?» «А ты?» – с некоторой иронией в голосе то ли спросил, то ли констатировал Станислав. – Или это происходило как-то иначе?

– Что вы имеете в виду? – встревоженно спросил Цирюльский, утирая платком взмокшую лысину и шею.

– С какого момента вы поняли, что ваши поиски бесплодны? – уже абсолютно серьезно спросил Крячко.

– Ну... уже к вечеру того же дня, – обреченно признался Цирюльский.

– Так какого ж... Гм-гм... Так почему же вы в тот же вечер не обратились к нам? Что ж вы еще день тянули? Чего ждали? – Стас убийственно смотрел на переполошенного директора пансионата.

– Мы... мы надеялись, что Алекс просто заигрался в такие вот прятки и... рано или поздно обязательно вернется сам... – неохотно пояснил тот.

– И на чем же основывался такой странный оптимизм? – удивленно покачав головой, усмехнулся Гуров.

– Знаете, наш физкультурник Дергачев Алексей вечером того же дня в приватном разговоре со мной обмолвился, что вроде бы слышал от Алекса о каких-то дальних родственниках отца, проживающих здесь, в Подмоскowie. Поэтому он подозревал, что мальчик где-то нашел лазейку и решил навестить близких людей. И вот мы...

– Ухватились за это предположение, как утопающий за соломинку, – продолжил его мысль Крячко, – и упустили драгоценное время. Каковы были взаимоотношения Алекса с персоналом, со сверстниками, с соседями по вивау?

– Нормальные, даже, можно сказать, отличные, – твердо заверил Цирюльский. – Нет, нет, я и мысли не допускаю, что у него с кем-то сложились конфликтные отношения и из-за этого он мог удариться в бег. В этом происшествии вообще что-то такое неестественное, иррациональное... Ей-богу, я до сих пор воспринимаю происшедшее как невероятную, колоссальную нелепость.

– В жизни многое вначале кажется абсолютно иррациональным, а потом вдруг оказывается вполне закономерным, – философски резюмировал Станислав. – Возможно, между мальчиками шло негласное соперничество, нарастали противоречия, могла быть стычка с очень скверным финалом... Вы уверены, что в данный момент он жив, а не где-нибудь тайком похоронен?

– Помилуй и спаси! – Цирюльский испуганно отмахнулся и даже перекрестился. – Я даже думать о таком не хочу. Нет, нет, нет! Это абсолютно исключено.

– Будем надеяться. – Крячко сунул руку в карман за сигаретами, но вовремя спохватился. – Хорошо еще, что у вас игра в индейцев, а не в полинезийцев.

– Не в полинезийцев? – Цирюльский растерянно замер.

– На это мог бы ответить капитан Кук, если бы дожил до наших дней... – злодейски улыбнулся Станислав.

– У вас в пансионате одни только мальчики? – Гуров посмотрел на часы – время приближалось к половине двенадцатого.

– Да. С нынешнего года. – Цирюльский снова сокрушенно вздохнул. – До прошлого года у нас была и группа девочек, но... Прошлым летом случилась одна крайне неприятная история.

– Незапланированная любовь? – догадался Станислав.

– Что-то вроде этого. Месяца через три после того, как разъехалась последняя смена, примчались родители одной из девочек и устроили скандал. Оказалось, что их четырнадцатилетняя дочь беременна. Нам пришлось выплатить крупную неустойку.

– А она действительно... Ну, именно здесь оказалась в положении? – поинтересовался Крячко.

– Да... Ее возлюбленный, ему тоже было четырнадцать, в этом признался и даже объявил, что готов на ней жениться. Но родители девочки ответили жестким отказом. Мол, с нищетою, у которой на банковском счету всего полтора миллиона баксов, они родниться не намерены.

– Вот видите! – рассмеялся Стас. – А говорите, что никаких противоречий тут не бывает. Кстати, этот юный «Казанова» в нынешнем году здесь отдыхает?

– Нет. – Цирюльский категорично мотнул головой. – Тем, кто нарушил «клятву индейца», а в ней есть пункт о недопустимости причинения ущерба репутации «Гайаваты», дорога сюда закрыта. Вообще, надо сказать, наши мальчики свою клятву никогда не нарушают. Они очень гордятся тем, что стали индейцами. Да, да, да... Представьте себе. Ведь прежде чем стать индейцем, каждый из них проходит непростую подготовку и подвергается довольно серьезным испытаниям. Новички у нас живут в благоустроенном корпусе и первые две недели изучают обычаи и быт индейцев, проходят начальную подготовку по их различным воинским искусствам. И, кстати, «индейцем» становится далеко не каждый. Есть те, кто не смог пройти испытаний, есть и те, кто больше всего любит комфорт и поэтому отказывается сам. Таких «индейцы» зовут «бледнолицыми». Кстати, никто из ставших «индейцами» ни за что на свете не согласится перейти в состав «бледнолицых».

– А Алекс, я так понял, в «индейцах» состоял, – заметил Гуров.

– Алекс у нас с первого дня фигурой был заметной. Он у себя дома, в Филадельфии, занимался восточными единоборствами, был неплохо физически подготовлен, благодаря чему без особых усилий прошел все положенные испытания и был принят в вигвам Могикан. У нас тут все вигвамы носят названия различных индейских племен – Могикане, Сиу, Апачи, Делавары... Имя ему дали Смелый Волк. По характеру он и впрямь держался как настоящий индеец. Был такой немногословный, сдержанный, терпеливый. И это – в двенадцать лет. Тут у нас, бывает, устраивают всякие розыгрыши. Иные из таких вот шуток кое-кого доводят до слез. Алекс ни разу не вспылал, ни разу не расплакался. Я бы его назвал «мальчиком-загадкой».

– Почему? – заинтересовался Гуров.

– В этой довольно разношерстной ораве отпрысков весьма и весьма небедных родителей он смотрелся совсем не так, как прочие. Что-то его отличало от других. Что именно? Затруднюсь сказать. Но вот даже взгляд у него был какой-то не такой, как у всех остальных.

– А кто из родителей привез его сюда? – рассматривая развешанные на стенах всевозможные предметы индейского быта – томагавки, трубки, луки, головные уборы, как бы невзначай поинтересовался Крячко. – Отец или мать?

– Нет, его привез доверенный отца, – недоуменно пояснил Цирюльский. – Как же его? Э-э-э... Господин Молясин. Да, он так представился. Молясин с собой привез и все необходимые документы. В том числе уже подписанный господином Кулькоффым договор и деньги. По поводу документов претензий у меня не было.

– Понятно... – Гуров с трудом сдержал зевок. – Ну что ж, приступим к поискам. Поступим так. Сейчас Станислав Васильевич с кем-нибудь из охраны хорошенько обследует всю территорию. А я пообщаюсь с каждым из ваших сотрудников по отдельности. И особенно мне хотелось бы увидеться с Даниловым и Дергачевым.

– Разумеется! Безусловно! – с жаром воскликнул директор, словно Лев угадал его самое заветное желание. – Сейчас я вызову начальника охраны, и вы, – он повернулся к Крячко, – можете приступать. Кстати, Дергачев был у меня перед самым вашим приходом. Вы с ним разминулись буквально в дверях.

– А что он там обещал проверить? – припомнил Гуров последние слова Дергачева.

– Мы с ним обсуждали исчезновение Алекса, и он решил еще раз пройти вдоль наружной стороны ограждения. У него появилось предположение, что мальчик мог покинуть территорию пансионата, перебравшись над стеной с дерева на дерево, например, по натянутому между ними лассо. А потом, используя знание индейских узлов, лассо снять и не оставить следов своего бегства.

«Мысль неглупая. Но вот интересно: он и в самом деле пошел искать следы пропавшего мальчика или его самого очень скоро тоже придется искать?» – мысленно отметил Гуров, интуитивно почувствовав какой-то подвох.

Глава 3

По распоряжению Цирюльского секретарша вызвала в кабинет директора начальника охраны пансионата. Им оказался типичный отставник, с изучающим, едким взглядом профессионального секьюрити.

– Э-э-э... Борис Борисович Тимкин, – объявил директор, почему-то без конца «экая» в присутствии своего сотрудника. – Э-э-э... Станислав Васильевич... э-э-э... Крячко, сотрудник уголовного розыска. Борис Борисович, пройдите со Станиславом Васильевичем по территории, он должен осмотреть все наши... э-э-э... потенциально опасные объекты.

Коротко кивнув в ответ, Тимкин с готовностью последовал за Крячко. Щеголя отменной выправкой и классно подогнанной униформой, он вышел на крыльцо и сдержанно поинтересовался предполагаемым маршрутом поиска.

– А у вас план территории пансионата имеется? – с удовольствием закуривая, деловито спросил Станислав.

– Да, конечно. Я сейчас принесу.

Тимкин вновь вернулся в здание и менее чем через минуту принес большой лист ватмана, сложенный вчетверо.

– Так, надеюсь, тут есть подробное изображение всех коммуникаций – канализации, водопровода, теплотрасс... – разворачивая план, задумчиво пробормотал Крячко.

Изучая вытянутый восьмиугольник территории, он высматривал, где начинаются и где кончаются трубопроводы.

– Откуда начнем? – проявив служебное рвение, спросил Борис Борисович.

Он напоминал породистую лошадь, которая знала о своей породистости и была этим несказанно горда.

– Посмотрим, что тут за канализация. Откуда начинается, где кончается... – деловито пробормотал Крячко.

Около получаса они ходили по территории, заглядывая в люки канализации, водопровода, телефонной связи... Но нигде ничего такого, что заинтересовало бы Стаса, обнаружено не было. Вернувшись к зданию, он снова развернул план.

– Как я понял, котельная, отопливающая помещения в зимнее время, расположена за пределами территории... – вновь и вновь всматриваясь в схему коммуникаций, отметил Станислав. – Так... Ага! А вот здесь за углом должен быть смотровой колодец теплотрассы.

– Мы там уже проверяли... – со значением в голосе известил Борис Борисович. – Оттуда куда-либо уйти невозможно.

– Ну, ничего страшного, посмотрим еще раз, – безмятежно улыбнулся Крячко. – Вы посмотрели, а теперь и мы посмотрим...

Пройдя к колодцу, они общими усилиями откинули тяжелую крышку люка, из-под которой пахнуло сырой затхлостью. Заглянув вниз, Стас внимательно осмотрел выложенную кирпичом стенку колодца, с вмурованными в нее железными скобами.

– Вниз кто-нибудь спускался? – спросил он Тимкина, не отрывая взгляда от сумрачного зева шахты.

Где-то у самого дна, в полутьме, виднелись колена толстых труб и «бублики» задвижек, с торчащими из их середины резьбовыми штоками. Услышав вопрос, Борис Борисович воззрился на Крячко как на ненормального, который ни с того ни с сего, вдруг попросил у него взаймы пригоршню бриллиантов.

– Нет. А зачем?!! Ведь и отсюда видно, что там никого нет. Кстати, раза три сюда заглядывали.

– Зря... Оч-чень даже зря, – многозначительно констатировал Стас.

Этот щеголь его уже начал раздражать, и он не мог не удержаться, чтобы не подначить спесивого начальника охраны. Крячко быстро сходил к машине и, достав из кейса Гурова фонарик, вернулся обратно.

– А ну-ка, что тут у нас? – деловито сказал он и снова заглянул в шахту, направив в ее недра луч фонарика. – Ага, есть кое-что интересное. Видите? Скобы поблескивают. Как будто кто-то за них брался руками. Значит, совсем недавно кто-то там был. Но кто и зачем мог туда залезать?

– Возможно, слесарь... – не совсем уверенно предположил Тимкин. – Сейчас он готовит котельную к новому отопительному сезону...

Его недавний лоск постепенно начал тускнеть и сходить на нет. Похоже, он понял ход мысли своего неугомонного спутника. Стас, стараясь не изгваздать в грязи джинсы и ветровку, аккуратно спустился по скобам вниз. При свете фонарика у одной из задвижек он увидел в мягкой глине отпечаток подошвы чьей-то обуви. Судя по размеру, взрослому она принадлежать не могла. Присмотревшись повнимательнее, Крячко пришел к выводу, что след оставлен подошвой мокасины одного из здешних «индейцев».

– Что-нибудь обнаружили? – вежливо спросил Борис Борисович, аккуратно склоняясь над люком колодца.

– Да, есть кое-что, – выбираясь наружу, известил его Станислав. – Там в одном месте обнаружился след мокасины, как я понял, оставленный ребенком лет двенадцати.

– Не понимаю: для чего он мог туда забраться? – Тимкин пребывал в крайнем недоумении.

– Ну, во-первых, надо еще уточнить – а точно ли это след беглеца, – авторитетно заметил Станислав. – Если же считать, что сюда залезал именно он, то причина более чем понятна – искал путь, чтобы выбраться за пределы территории.

Крячко сорвал лист лопуха, росшего рядом с люком, и вытер им руки.

– А куда теперь идем? – Окончательно утратив лоск, Борис Борисович походил на школяра, который, придя на экзамен, забыл дома заготовленные шпаргалки.

– Учитывая, что мальчик забирался в этот колодец, нам следует проверить и все остальные из имеющихся. – Крячко снова развернул план территории.

– Так... колодец-то теплотрассы на территории всего один. – Тимкин ткнул пальцем в план. – Вот, смотрите, следующий смотровой колодец уже за ее пределами.

– Ничего, ничего, мы поищем, – утешающе усмехнулся Станислав. – Ага... Котельная – вон она. Значит, трасса идет в том направлении. На всякий случай пройдем по ее ходу.

Он направился в сторону луга, уставленного вигвамами. Борис Борисович, недоуменно пожимая плечами, уныло поплелся следом. Начальник охраны не видел и грана логики в методе поиска столичного опера. По мнению Тимкина, тот просто-напросто выпендривался, корча из себя великого сыщика. Их появление на лугу не осталось незамеченным. «Индейцы», сосредоточенно вязавшие под руководством преподавателя, тоже одетого по самой крутой индейской моде, какие-то замысловатые узлы, немедленно приостановили свое занятие и теперь с интересом глядели в их сторону. Особенно пристально «индейцы» присматривались к Станиславу.

Он тоже внешне безразличным, скользящим взором окинул притихших мальчишек, но на самом деле за считанные секунды увидел для себя кое-что очень важное. Если большинство глазело на него с выжидающим, хитроватым или простодушным любопытством, то один из мальчиков постарше смотрел на него со взрослой настороженностью, как будто ожидал от незнакомца каких-то неприятных сюрпризов. В последний миг, уже почти пройдя мимо вигвамов, Крячко боковым зрением успел заметить, как этот же паренек, не отрывая от него встревоженного взгляда, что-то быстро прошептал своему соседу.

«А ведь ты что-то знаешь, „Чингачгук с Рублевки“! – мысленно отметил Станислав, постаравшись запомнить наиболее характерные приметы „индейца“. – Надо бы с тобой побеседовать по душам...» Правда, он тут же усомнился – а позволят ли ему это? Кто знает, вдруг малец нажалуется своим богатеньким «предкам»? Тогда и директора попрут с работы, и их самих могут подвести под служебное расследование: как же! – злые менты морально травмировали впечатлительного ребенка. «Нет, тут надо как-то похитрее подойти», – определился он. Войдя в сосняк, росший вдоль стены, Станислав коротко оглянулся. Хотя они ушли от вигвамов почти на сотню метров, он вполне различил чье-то обращенное в его сторону лицо. Теперь он был почти уверен: замеченный им мальчишка каким-то образом причастен к исчезновению своего товарища по пансионату.

Дойдя до гладкой, кирпичной стены ограждения, Крячко внимательно оглядел землю, усыпанную хвоей, стволы деревьев, потом пошел по кругу, вглядываясь под ноги и не обращая внимания на скептические междометия Бориса Борисовича. Тот стоял в несколько нелепой позе, явно не зная, что же ему делать – то ли идти следом за «прибабахнутым», как мысленно определил он, опером, то ли стоять на месте, дожидаясь конца его бессмысленной беготни.

А тот, уйдя кругами метров на двадцать в сторону, неожиданно остановился у небольшой, не очень приметной кучи сухой травы и валежника меж кустов боярышника и стал разгребать ее ногой. Нижние ветви колючего кустарника нависали прямо над этим холмиком, поэтому в глаза он не бросался. Тимкин торопливо приблизился и с досадой увидел темный, ржавый «блин» крышки люка.

– Вы считаете, это именно то, что мы ищем? – Стараясь вложить в голос максимум безразличия и даже пренебрежения, Борис Борисович натужно хмыкнул.

– Пока говорить об этом рано, – осторожно сдвигая в сторону и сминая ногой колючие ветви, в тон ему ответил Крячко. – Но не исключено. Стоп! Не наступите – вот, пожалуйста: тоже след мокасины. А вот – сломанная ветка. Судя по тому, как увяли листья, она была сломана всего лишь пару дней назад. И зазор между крышкой и краем люка пуст – в нем нет мусора. Значит, не так давно кто-то ее поднимал.

– Ну... Это еще надо посмотреть как следует... – Сраженный находками опера и его уверенной логикой, Тимкин из последних сил старался казаться непоколебимо-скептическим. – Возможно, сюда он тоже всего лишь заглянул. Кстати, я что-то никак не пойму – откуда тут мог взяться колодец, если его нет на плане? Черт знает что!

– Эт-то точно!.. – в манере незабвенного красноармейца Сухова согласился Станислав. Он вдруг нагнулся, пошарил рукой в траве и поднял острый железный штырь.

– Это металлоизделие тоже имеет отношение к нашим поискам? – с сарказмом поинтересовался Тимкин.

– Да, имеет. – Игнорируя его тон, Крячко невозмутимо кивнул. – Думаю, именно этим штырем он поддел крышку люка, чтобы сдвинуть ее.

Он сунул острый штырь под крышку и, откинув ее в сторону, посветил внутрь колодца. В глаза сразу же бросились чернеющие в стене у самого дна квадраты туннелей. Из них в колодец выходили обрезанные концы труб, судя по всему, старой, заброшенной теплотрассы, которые были обмотаны уже ветхой мешковиной, из-под которой торчали космы почерневшей пакли. Здесь на стенках скоб не было, и Стасу вниз пришлось спрыгнуть, придерживаясь руками за край люка.

– Вот еще следы мокасинов... – присев на корточки, отметил он. – А вот по этому туннелю наш беглец и покинул пределы лагеря. Отчаянный парень! Тут даже подготовленный мужик заробел бы. Да-а... Ползти неизвестно куда по этой темной и тесной крысиной норе не всякому дано. Меня и то бы пробрал приступ этой... Как ее? Клаустрофобии.

Подпрыгнув, он схватился за края люка и одним рывком выбрался наверх. Тимкин, не ожидавший от опера таких гимнастических талантов (ему думалось, что тот попросит подать

ему руку), окончательно сник. Он помог Станиславу положить на место крышку, и они направились к проходной. Выйдя за пределы территории, они нашли то место, где должен был проходить наружный участок заброшенной теплотрассы. После десятиминутных хождений меж деревьев, кустарников и высоченного бурьяна Крячко нашел точно такой же люк, как и предыдущий. Рядом валялись отброшенные ветки и мусор.

– Вот тут он и выбрался наружу, – констатировал Стас. – Метров двадцать прополз под землей. Похоже, торопился парень – даже крышку люка положил неровно. Теперь надо бы прикинуть, в какую сторону он направился...

Достав мобильный телефон, Крячко в нескольких словах сообщил Гурову о своих находках.

– Мне кажется, без собаки тут не обойтись, – завершил он свой доклад.

– Хорошо, кинолога я сейчас вызову, – откликнулся Лев. – Подходи сюда. Кстати, попутно узнай на проходной – Дергачев еще не появлялся? А то его что-то все нет и нет.

Но на проходной, услышав о физкультурнике, чрезвычайно удивились.

– Так он никуда и не ходил, ничего не искал, – пожимая плечами, сообщил Дмитрий. – Сразу же сел в свою машину и тут же куда-то уехал.

– Быстро: госномер, марка и цвет машины! – выхватив мобильник, распорядился Крячко.

– Ни хрена себе! Это что же, и Леха под колпаком?! – Дмитрий даже присвистнул. – Сейчас скажу. Значит, «Ауди» белого цвета, номер: Ю, три пятерки, ГО, девяносто девятый регион.

Стас быстро созвонился с Госавтоинспекцией и попросил немедленно разыскать требуемую машину. Ее водителя надлежало задержать невзирая ни на какие обстоятельства. Теперь Крячко был почти уверен, что в деле исчезновения сына американского банкира замешаны несколько человек. Правда, нужно еще определить – связаны ли они между собой.

Гуров тем временем в пожарном темпе допросил практически весь педколлектив пансионата. Тем более что он был не так уж и велик – немногим более десятка человек. Допросил и обслуживающий персонал. Виктор Денисов у Льва каких-либо подозрений не вызвал. «Вождь краснокожих» (как окрестил он его про себя) подробно рассказал о событиях того дня, когда исчез один из занимавшихся у него «индейцев». Собственно говоря, по словам Денисова, ничто вообще не предвещало того, что состоится побег. Алекс был как всегда активен, сосредоточен, выполнял все задания охотно и непринужденно. Впрочем, отлучился он незаметно, без ведома Виктора, не спросив его разрешения.

– Ушел – как растворился, – досадливо разводил руками Денисов.

– Сами виноваты, – чуть усмехнулся Гуров. – Слишком хорошо обучили его всяким индейским премудростям. Кстати, мне вас аттестовали действительно как человека, обладающего, скажем так, качествами настоящего индейца. А индейцы, как я понимаю, суперследопыты. Что ж сразу-то не нашли его по горячим следам?

– Ну-у!.. – Виктор рассмеялся. – Мои способности читать следы сильно преувеличены. Я действительно жил среди индейцев, многое у них перенял, многому научился. Но чтобы иметь такое чутье, какое имеют они, нужно было бы там и родиться. Они с пеленок учатся читать следы. И то не у всех это получается. Тем более сейчас, когда они ассимилируются, растворяются и теряют свои исторические корни. Конечно, я пытался найти следы Алекса, но толпа моих «индейцев» все так истоптала, что это, по сути, было делом безнадежным...

Прочие сотрудники пансионата – преподаватели этики, хореографии, культурологии, повара, воспитатели, культорганизаторы, горничные, с точки зрения Гурова, ничего интересного собой не представляли и своими манерами напоминали вышколенных английских слуг. Давая на вопросы Гурова обтекаемые, уклончивые ответы, словно сговорившись (собственно говоря, нечто подобное вполне могло быть и на самом деле), сотрудники ссылались только

лишь на то, что от кого-то что-то слышали, а сами ничего конкретного сказать не могут. Впрочем, один из «дворецких», проговорившись, сообщил и впрямь кое-что интересное.

Чтобы завязать разговор, Гуров с сочувствием в голосе заметил, что наверняка работа с контингентом миллионерских чад – занятие не для слабых духом. Молодой, рослый воспитатель, ответственный за жилой корпус, безнадежно вздохнув, поведал Льву о том, что если бы не хорошее жалованье, то он не остался бы в пансионате и одной минуты.

– Вы себе даже не представляете, какие среди этих недорослей встречаются законченные уроды! – доверительно склонившись в сторону Гурова, вполголоса рассказывал он. – Большинство ребятишек, конечно, более-менее. Но некоторые из них с малолетства воспитаны в духе «самости» – они уверены, что весь мир существует только для них, что им все позволено, что папа что хочешь или кого хочешь купит и абсолютно все разрулит. Но и это еще ничего. Попадают и вовсе пакостные отморозки – таких ежедневно ремнем бы сечь и сечь. Но кто посмеет? Для них все люди – быдло. Они и общаются-то только с теми, чьи отцы имеют в банках обалденные долларовые счета. И вот с этими – сплошная головная боль. Попробуй сделать таким замечание – нахамят, могут запустить чем попало... Вот, меньше недели назад нашел у одного умника игральные карты. Азартные у нас игры под строжайшим запретом. Карты я забрал и отнес директору. Теперь этот миллионерский дауненок и его дружки мстят мне как могут... Не знаю, надолго ли хватит терпения работать в этом гадючнике?

Когда Гуров отпустил воспитателя, в отведенный ему кабинет ввалился Станислав, за которым уныло брел Тимкин. Выслушав подробный рассказ Стаса о результатах поисков, Гуров предложил пройти в кабинет директора. Цирюльский при их появлении явного оживления не проявил. Он напоминал измученную лошадь, на которой целый день возили дрова и еще что-то очень громоздкое и тяжелое. Казалось, ему вдруг стало глубоко безразлично происшедшее и он уже смирился со своей участью. Когда опера и Тимкин вошли в кабинет, Цирюльский достал из кармана наполовину опустошенную пачку сигарет и, глядя в пустоту, машинально закурил.

– Есть что-нибудь? – вяло поинтересовался он.

– Разумеется... – усаживаясь в кресло, Гуров пошарил в карманах и, достав сигарету из протянутой Цирюльским пачки, шелкнул взятой со стола зажигалкой. – Во-первых, мальчик действительно сбежал, пробравшись за пределы территории по туннелю заброшенной тепло-трассы. Скоро должен прибыть кинолог с собакой, и мы хотя бы приблизительно определим, в какую сторону он мог податься. Во-вторых, вполне очевидно, его побег не какой-то там спонтанный, ничем не продиктованный поступок, а вполне осмысленный и хорошо подготовленный шаг. К тому же, мы в этом уверены, среди персонала и отдыхающих есть причастные к этому побегу.

– Что-о-о?! – Слушая Льва, Цирюльский менялся на глазах – его вялость моментально сменилась каким-то нервным оживлением. – Вот это новости! М-да-а-а... И кто же, по вашему мнению, мог ему в этом содействовать?

– Скорее всего, ваш физкультурник, Алексей Дергачев, – вступил в разговор Станислав. – Выйдя от вас, он искать никого никуда не пошел, а сел в свою машину и тут же скрылся в неизвестном направлении. Мы сообщили автоинспекции номер его машины, но у меня почему-то нет никакой уверенности, что в ближайшее время мы его сможем увидеть.

– Ч-черт! – Цирюльский яростно стукнул по столу кулаком. – Кто бы мог подумать?.. Хотя... Он здесь у нас всего два месяца. Преподаватель физподготовки, который у нас был до этого, внезапно заболел, и его пришлось заменить. Тоже, знаете ли, скандальчик приключился...

– И в чем же суть этого скандальчика? – Гуров стряхнул пепел с сигареты в пепельницу, выточенную из яшмы в форме лодочки.

– В чем... – Цирюльский кривовато усмехнулся. – Подцепил кое-что, остолоп... Такой скромный парень, ответственный, серьезный, хороший педагог и – на тебе – заразился, пардон, сифилисом. Где, от кого – так и не признался. Обычно у нас медосмотры, как и везде – раз в квартал. А тут, уж не знаю с чего, где-то в апреле прямо сюда примчалась медкомиссия и устроила внеплановую проверку персонала. Проверяли всех поголовно, чуть ли не наизнанку выворачивали. И вот, как гром среди ясного неба: РВ у физкультурника оказалась положительной. Пришлось немедленно увольнять, брать другого. Хорошо, это было еще до прибытия первых отдыхающих. Провели дезобработку всего и вся, весь пищеблок перелопатили от и до... Как вспомню – голова кругом идет. Ну а тут мне предложили кандидатуру Дергачева. Само собой, мы его проверили досконально – всю подноготную: где родился, где учился, не отбывал ли срока, не имеет ли каких-нибудь нездоровых наклонностей. Даже на полиграф посылали. Кстати, Борис Борисович, ты же лично его проверял?

– Да, да, было проверено все, без исключения. – Тимкин истово закивал головой.

Наблюдая за ним краем глаза, Гуров почувствовал, что начальник охраны в чем-то фальшивит.

– А кто вам предложил взять на работу Дергачева? – спросил он Цирюльского.

– Да после этого у нас еще одна проверка была, от Минобразования – раз такое скандальное происшествие, то это уж как положено. Ну, проверяющий мне и предложил взять на работу, как он сказал, высококлассного специалиста. Так-то у меня была другая кандидатура, но... Сами понимаете – с министерством ссориться дело никчемное. Впрочем, если бы в биографии Дергачева обнаружилось что-то нехорошее, то я бы его не взял даже под нажимом самого министра. Черт побери, как мы опрофанились!

– Фамилию того проверяющего не припомните? – Гуров и Крячко быстро переглянулись, подумав об одном и том же.

– Попытаюсь... – Цирюльский наморщил лоб. – По-моему, Чубешко... Да, да, точно – Чубешко Юрий Константинович. Мне позвонили из министерства и предупредили о его прибытии. А он сам предъявил удостоверение инспектора Минобразования...

– У вас есть телефон отдела кадров министерства? – потушив сигарету и снимая трубку, поинтересовался Гуров. – Наберите номер.

Представившись, Гуров попросил сотрудницу министерства сообщить ему, есть ли в их ведомстве сотрудник с фамилией Чубешко. Цирюльский, вслушиваясь в разговор, замер и даже вытянул шею. Гуров поблагодарил сотрудницу и не спеша положил трубку.

– Ну?! – выдохнул директор пансионата.

– Там никогда не было никакого Чубешко, даже на должности дворника. – Гуров, покачивая головой, развел руками. – Думается мне, что это была хорошо продуманная операция по похищению сына банкира. Тот парень, ваш бывший физкультурник, конечно, проявил завидное легкомыслие, но его, я уверен, подставили специально. И медицинскую проверку проводили по наводке заинтересованных лиц. Ну а после этого вам подсунули своего человека. Схема, я вам скажу, не самая сложная, но сработала без осечки.

– Мать их... – добавив пару непечатных слов, Цирюльский провел по лицу ладонями и застонал. – Вот это мы лопухнулись! Борь, что же ты так оплошал? Как же ты мог прошляпить этого засланного «казачка»? Что молчишь?

– Эдуард Вениаминович, – вскочив с места, суча руками и задыхаясь, торопливо заговорил Тимкин, – да, клянусь вам – проверил абсолютно все, сделал запросы, встретился с людьми... Был в той школе, где он работал, говорил с директором. Он сказал, что Лешка у них работает с того времени, как закончил институт... Характеристику дал – хоть в космос запускать. Честное слово!

– Хреново, хреново, хреново!.. – У Цирюльского взмокло темя, и он без конца промокал лысину и лоб большим носовым платком. – Кстати, как же могло получиться, что вы сумели

найти эту старую теплотрассу, а мы о ней даже не подозревали? Всем же лагерем прочесывали территорию, и никаких люков никто не заметил.

– Скорее не хотел заметить, – иронично усмехнулся Станислав. – Я думаю, участок территории, где под слоем мусора находился люк колодца, специально брались обследовать именно те, кто не хотел, чтобы его нашли. А догадаться о его существовании было несложно. Когда я спустился в колодец действующей теплотрассы, то заметил, что в стене есть забитые цементом концы двух обрезанных труб. Видимо, когда прокладывали новую теплотрассу, старую извлекать не стали – зачем лишняя работа? Новые трубы вообще просто кинули в канаву и засыпали землей. А старая шла в специальном бетонном туннеле. Вот мальчик этим и воспользовался.

– Но почему он вообще решил бежать? – Цирюльский с надеждой смотрел на сыщиков, словно на неких ясновидящих.

– А это мы сейчас и попробуем выяснить, – вмешался в разговор Крячко. – Скорее всего нужной нам информацией располагают соседи Алекса по вигваму. Надо бы нам с ними побеседовать.

– Пожалуйста! – Директор являл собой самую готовность. – Сейчас же их вызову сюда.

– Не надо, – решительно остановил его Гуров. – Так мы ничего не узнаем. Тут надо как-то по-другому...

– Скажите, а «индеец», у которого воспитатель не так давно изъяснял карты, он не из того же вигвама, что и Алекс? – хитро улыбнулся Станислав.

– Д-да... Вы уже и об этом случае знаете? – Цирюльский сконфузился. – А это что, тоже может иметь отношение к побегу и похищению?

– Конечно. – Стас пожал плечами. – Вы их не выбросили? Дайте-ка мне их сюда... Будьте все здесь. Я скоро приду.

Сунув в карман колоду карт, Крячко вышел из кабинета. Пройдя по лугу к вигвамам, он остановился у одного из них. Трое «краснокожих» усердно метали лассо, стараясь набросить тугую волосную петлю на вбитые в землю колышки. У других вигвамов происходило то же самое. Увидев Станислава, к нему подошел Виктор Данилов, уже успевший надеть костюм вождя и раскрасить лицо красными и зелеными полосами и зигзагами.

– Хотите посмотреть, чем мы тут занимаемся? – улыбаясь, спросил он.

– Нет, хочу увидеть ребят, которые жили с Алексом в одном вигваме.

– Так вот это они и есть... Это – Коля Якушов, это – Дима Федоршин, это Самвел Агазян, индейцы племени Делаваров. Сыновья московских банкиров и коммерсантов, – добавил он вполголоса и, приняв торжественный вид, обратился к мальчишкам: – Доблестные воины, с вами хочет поговорить человек, который ищет вашего друга Алекса. Расскажите ему все, что знаете. Я все сказал. Хуг!

Мальчишки неохотно отложили лассо и подошли поближе. Они настороженно рассматривали уже виденного ими незнакомца. Стас сразу же без труда узнал всех троих – это они обратили на себя его внимание, когда он недавно проходил по лугу.

– Ребята, – Крячко говорил, стараясь найти нужную интонацию, способную вызвать мальчишек на разговор, – я из уголовного розыска. Если что-то знаете о том, почему ваш друг покинул пансионат, то, может быть, расскажете?

– Мы ничего не знаем, – презрительно поморщившись, с изрядной долей высокомерия ответил за всех Дима, самый высокий из этой компании.

– А врать-то нехорошо. – Стас укоризненно покачал головой. – Тем более воинам племени Делаваров. Виктор... то есть, вождь, вы пока можете заниматься с другими, а мы здесь немного побеседуем.

Когда Виктор направился к другому вигваму, Крячко, пристально посмотрев на «индейцев», демонстративно изображающих полное к нему пренебрежение, негромко объявил:

– Вы, голуби мои сизокрылые, зря надумали играть в несознанку. Я же вас насквозь вижу. И знаю, что вы замешаны в этой истории по самые уши. Я на вас не давяю, но, поверьте на слово: мне это доказать труда не составит. И я не думаю, что, если с Алексом случилось что-то очень скверное, благодаря деньгам и связям ваших очень состоятельных пап скандала избежать удастся. Молчим? Хорошо. Тогда у меня к вам деловое предложение. Давайте так... Вы же в карты здесь играли? Ну, играли, играли – я точно знаю... Так вот, ваша колода у меня. Предлагаю любому из вас сыграть со мной. Ставка будет такая: если проигрываете вы – все рассказываете без утайки, если я – то... вот, отдам свое служебное оружие. И даже «корочку» в придачу.

Он сунул руку за пазуху и достал из кобуры пистолет.

– Не врете? – недоверчиво наморщился Самвел. – Точно, отдадите?

– А вы сначала выиграйте. – Станислав интригуяюще улыбнулся. – Выиграете – отдам. А вы – точно, все расскажете?

– А почему вы считаете, что нам есть о чем рассказывать? – все с тем же высокомерием, которое уже никак не могло скрыть его внутреннюю тревогу, спросил Дима.

– Так на то я и сыщик, – рассмеялся Крячко. – Ну, во что сыграем? В очко, секу, железку, покер?

– В простого дурака, – после некоторого мучительного колебания объявил Дима. – Три кона, со мной. Только...

– Да, я понимаю, – кивнул Станислав, – место для игры тут вовсе неподходящее. Давайте в вашем вигваме?

Войдя внутрь индейского жилища, Стас огляделся. Пол вигвама застилал круглый ворсистый ковер, посреди которого лежал полированный, деревянный круг метрового диаметра с четырьмя белыми салфетками по краям. «Видимо, что-то вроде обеденного стола», – догадался Крячко. Вдоль стены лежали свернутые в рулоны постели. Сам же вигвам, снаружи обшитый выделанной кожей, изнутри был обтянут каким-то светлым, бархатистым материалом.

Дима и Станислав сели к столу.

– Я буду сдавать! – с вызовом заявил Дима, бесцеремонно забрав карты из рук Крячко.

Он быстро перетасовал и раздал карты. Игра началась. Судя по всему, парень в картах был не слаб. Но знал бы он, с кем рискнул тягаться! Уже скоро Дима начал нервничать, поскольку в его руках начали копиться неотбитые карты. Заставив недовольно кривящегося мальчишку принять последний остаток колоды, Станислав две специально припасенные шестерки положил ему на плечи.

– Ну вот, ты уже произведен в лейтенанты, – беззлобно рассмеялся он. – В следующем кону станешь старлеем. В принципе, можем играть вплоть до твоего производства в фельдмаршалы. Ты как?

Коля и Самвел, напряженно следившие за игрой и всемерно переживавшие за своего приятеля, тем не менее невольно фыркнули, но тут же осеклись.

– Ладно, наигрались... – Дима сердито отмахнулся. – Хватит. В принципе, кое-что насчет Алика я могу рассказать. Но не имею права – мы дали слово молчать.

– Ты карточные законы знаешь хорошо? – задав вопрос Диме, Стас в лихорадочном темпе, «на автопилоте», мгновенно придумал, что ответить. – Так вот, согласно карточным законам – а они для профессионалов святы, так же, как и карточный долг, став моим должником, ты как бы проиграл мне свое слово. Теперь я им распоряжаюсь. А я желаю знать, что случилось с Алексом, и освобождаю тебя от обещания молчать.

– В общем... – Дима глубоко вздохнул. – Наш наставник по физподготовке, у нас он Вождь сильных, Могучий Лось, как-то раз дал слишком много поручений. Ну... Нужно было выполнить всякие там задания по учебе, по сдаче всяких упражнений.. Мы сразу поняли, что

столько нам и за два дня не осилить. А у нас невыполнение заданий означает лишение вигвама Золотой Стрелы – нашего главного талисмана.

Он указал глазами вверх, и Станислав увидел подвешенный на тонкой цепочке шар из красной замши. Он был размером с кулак, снизу в него была воткнута большая стрела с пером цвета золота.

– И что же вы?

– Мы уперлись, потому что это нечестно – никому так много не задавали. И тогда Могучий Лось сказал, что такова воля Вождя Вождей, ну, нашего директора. Тот вроде бы хочет сделать лучшим вигвам Апачей. Мы спросили – почему так? Он по секрету рассказал, что директора об этом попросил отец одного из тех, кто живет в том вигваме, и предложил сыграть в карты с условием: проиграем – все остается как есть, выиграем – он дает задание полегче. Мы согласились. С ним играл я. Мне повезло, и стрела осталась у нас. Потом еще были всякие фиговины... Мы уже сами стали предлагать ему перекинуться в карты. Играл он не очень, и я у него на раз выигрывал.

– Во что играли? Все в того же подкидного дурака? – Стас с усмешкой покачал головой. – Понятно. Догадываюсь, что было дальше. Незадолго до исчезновения Алекса он дал невыполнимое задание лично тебе и тоже предложил решить эту проблему игрой в карты. Но на сей раз, к твоему большому удивлению, он легко тебя обыграл и в качестве карточного долга потребовал сыграть в карты и обыграть Алекса. Так?

– Почти... – начиная понимать, что его провели вокруг пальца, Дима нахмурился и закурил губу. – Он просто предложил мне сыграть в карты на желание. Если выигрываю я, то любое мое желание выполняет он. Причем не обязательно сразу. Можно потребовать исполнения и через месяц, и через год. Если выиграет он, то исполнять буду я. Он выиграл... Сказал, что хочет испытать Алика – мы его обычно так звали, – и узнать, смелые ли американцы. По его желанию я должен был обыграть Алика и заставить выполнить свое желание.

– Какое же?

– Выбраться за пределы территории, дойти до озера и принести оттуда лист кувшинки. Алик долго отказывался, но я сказал, что он трус, тряпка, и тогда он согласился. Играли три раза, один кон он выиграл, но я победил.

– Понятно... Алекс не говорил, как собирается выбраться за пределы ограждения?

– В общем-то нет, пытался сам придумать... Потом ему Самвел подсказал.

– А Самвел о той лазейке узнал от вашего Могучего Лося? – Крячко повернулся к темноволосому пареньку лет четырнадцати.

– Да... – внезапно осипшим голосом подтвердил Самвел, понутив голову. – Он сказал, что ему жаль Алекса и он хочет ему помочь. И еще он сказал, что его надо известить, если Алик полезет по туннелю. Вроде бы боится, что тот там или застрянет, или еще чего... Чтобы в случае чего подстраховать.

– Поэтому вы с Колей помогли Алексу спуститься в колодец, положили на место и замаскировали крышку люка. А потом побежали к физкультурнику. Ну а когда начались поиски вашего товарища, вы специально курсировали подле колодца, чтобы его не нашли другие. Теперь мне все окончательно ясно. – Стас сгреб карты и сунул их в карман. – Этого вашего Могучего Лося скорее следовало бы окрестить Бессовестной Свиньей. Он нагло использовал ваше сопливое самолюбие, и теперь ваш товарищ, возможно, в очень трудном положении. Дай бог, если вообще жив. Кстати, Дима, а ты бы полез по туннелю, если бы вдруг проиграл и он поставил тебе такое же условие?

– Да я что, даун? Лезть туда – на хрен нужно! – Мальчишка презрительно фыркнул. – Проиграл бы – договорились бы об откате. И делов-то... Я так и думал, что он пару дней подержится и предложит откат. Мне-то эта кувшинка нужна была как рыбе зонтик.

– Это верно... Ладно, ребята, я пошел. Не хочу вас обижать, но эгоисты вы, конечно, еще те... Пока!

Когда он подходил к корпусу, навстречу ему вышел Гуров с мобильным телефоном в руке.

– Идем к воротам – прибывает кинолог, – сообщил он и, обернувшись, неожиданно жестко спросил у идущего следом Тимкина: – А теперь, уважаемый, давай без умолчаний и вранья. Строго между нами: ты когда заподозрил, что Дергачев – не совсем тот человек, за которого себя выдает?

Ошеломленный его вопросом, Борис Борисович споткнулся, позеленел и неохотно признался:

– Когда возил его на полиграф. Краем глаза я успел заметить, как он сунул толстый конверт операторше. После этого она дала положительный отзыв.

– А как же проверка по прежнему месту работы?

– Мы общались с замдиректора школы по телефону...

– А что же ты, красавец наш писанный, обо всем этом не поставил в известность своего директора? – свирепо прищурился Станислав.

– Честно? Побоялся. Я же не дурак и с самого начала прекрасно понял, что за люди прислали его к нам. Жить-то всем хочется...

– Смени штаны на юбку! – презрительно бросил Стас, догоняя Гурова.

Глава 4

Выйдя за проходную, опера увидели милицейский «уазик», возле которого стоял незнакомый им сержант с крупным, волкообразным псом. Кинолог повернулся к ним и коротко доложил:

– Сержант Князев, прибыл в ваше распоряжение.

– Твой следопыт сможет взять след двухдневной давности? – указав взглядом на собаку, спросил Гуров.

– Смотря какой след... Но, вообще-то, мой Пиратка пес талантливый, случалось, брал вообще безнадежные следы... – слегка потрепав собаку по загривку, сообщил Князев. – Кстати, он не совсем собака. Это специально выведенный гибрид волка и собаки – волсоб. У него и нюх тоньше, и хватка мощнее, чем у обычной овчарки.

– Тогда – вперед! – объявил Гуров, и они втроем отправились к заброшенной тепло-трассе.

Дав собаке понюхать сандалету, взятую из вещей Алекса, кинолог отдал короткую команду, более напоминавшую какое-то междометие, и пес, немного покрутившись вокруг люка, уверенно легкой рысцой побегал по следу, направляясь в сторону озера. Мальчик же, очевидно, плохо знал, где оно находится, и поэтому его след шел вытянутыми зигзагами. В одном месте Пират подошел к дереву и обнюхал ствол.

– Здесь он, по-видимому, залезал на дерево, чтобы посмотреть, где озеро, – негромко заметил Князев.

Пробежав около полукилометра следом за псом, опера неожиданно впереди увидели лесную дорогу. Гуров почувствовал, как внутри что-то неприятно напряглось: интуиция подсказывала ему, что, вероятнее всего, след сейчас оборвется. И в самом деле, добежав до середины дороги, пес внезапно остановился, словно наткнулся на невидимую стену, затем, жалобно поскуливая, вернулся назад и забегал вдоль края дороги, разыскивая исчезнувшую невидимую ниточку запаха.

– Все! Финиш! – Гуров досадливо хлопнул себя руками по бокам. – Дело ясное – здесь мальчишку поджидали, отсюда же его и увезли. Куда?

– Надо срочно во что бы то ни стало найти Дергачева, – всматриваясь в дорогу, Стас сердито морщился и раздувал ноздри, словно сам намеревался взять след, нарушив этим прерогативу Пирата.

– Надо, надо... – кивнул Гуров. – Но пока давай-ка поищем следы машины, на которой могли увезти нашего беглеца.

– Да где ж тут найдешь? – Крячко сокрушенно огляделся по сторонам. – Дорога сухая, как кирпич. Тем более что мальчишку похитили два дня назад.

– Давай разойдемся в разные стороны, метров по триста каждый. Вдруг где попадется сырая низина? А ты сержант, – Гуров повернулся к Князеву, – поводи собачку на той стороне дороги. Вдруг что подвернется?

Он неспешно зашагал по поросшим травой нечетким колеям, оставленным в земле колесами машин. По чуть примятым травинкам было видно, что некоторое время назад здесь проезжала легковушка. Но была ли она одна? Вдруг за минувшие дни здесь проехало несколько машин? Тогда – совсем труба...

Удалившись более чем на сотню метров от того места, где обрывался след, он вдруг заметил впереди ярко-зеленое пятно небольшой плоской низины. «Есть!» – мысленно отметил Лев, невольно переходя на ускоренный шаг. И в самом деле, в небольшой, вытянутой ложбине, поросшей редкой, молодой травой, он увидел достаточно четкий след протектора, оставлен-

ный скорее всего колесами «Жигулей». Достав сотовый телефон, Лев позвонил водителю их машины и вкратце объяснил, как проехать к ним.

Менее чем через пять минут он увидел приближающуюся к нему «Волгу». Криминалист осмотрел след и, одобрительно кивнув, что означало – отпечаток будет классный, достал из багажника какие-то пакеты, пластиковые бутылки, баллончики... Объяснив шоферу, куда нужно будет подъехать после того, как эксперт закончит работать со следом машины, Гуров пошел обратно. Здесь его ждал еще один сюрприз – метрах в десяти от дороги собака нашла лежащий в траве мокасин.

– Скорее всего это обувь Алекса, – осмотрев находку, отметил он. – Только как он туда попал? Случайно или его забросили туда специально?

– Ты считаешь... – с сомнением в голосе начал было Станислав, но Гуров быстро за него договорил:

– ...Что мальчик, правильно оценив происходящее, решил оставить какой-то знак. Он знал, что его будут искать, и решил облегчить нам эту задачу. Теперь мы хотя бы знаем точно: он похищен. Только кем и для чего?

– Кем... – Стас ненадолго задумался. – Вымогателями. Кем же еще? Как их там? Киднеперами? Давай сейчас вернемся назад и пойдем параллельными курсами: один займется физкультурником, другой – теми, кто в подобных делах был уже замешан.

– В принципе, это логично. – Гуров, рассматривая мокасин, чуть заметно кивнул. – Но надо учесть и другое – здесь работали дельцы высокого класса, говоря шахматным языком, гроссмейстерского уровня. Не какая-нибудь рядовая шайка-лейка. Ты же видишь, как все у них тонко и хитро продумано? Сработали, твари, как по нотам. И вот тут возникает вопрос: за Алексом они специально охотились или похитили лишь бы кого?

– Хм-м... – Крячко, тоже воззвись на мокасин, который Гуров держал за краешек кончиками пальцев, озадаченно почесал затылок. – Да, Лева, вопрос, однако, «на засыпку». Я точно не уверен, но у меня ощущение такое, что охотились именно за ним.

– Правильно. – Гуров вскинул указательный палец. – А что это означает? Похитители скорее всего не намерены ограничиваться обычным выкупом, пусть и очень большим. У них далеко идущие цели. И ради этого, я так думаю, они потратились не слабо. Тут только на организацию всей этой игры могли уйти десятки тысяч баксов. Если не больше. Значит, так или иначе, похищение связано с профессиональной деятельностью его отца. Ого! Ты гляди-ка – солнце-то уже за полдень, дело скоро уже к вечеру! Вот так заработались... Так, а вот и наша машина показалась.

– Петру надо бы сообщить о результатах, – рассудительно заметил Стас.

– Да, и заодно выяснить, что там наши читари газетные накопили...

Гуров передал мокасин Станиславу, который принял индейский башмак, тоже взяв находку за самый краешек, чтобы не смазать чужие отпечатки пальцев. Нажав кнопку вызова мобильного, Лев сообщил Орлову последние результаты поисков. Тот (видимо, переворошив бумаги на своем столе, поскольку был отчетливо слышен громкий шелест и сердитая воркотня) в свою очередь зачитал справку, присланную из ГАИ. Согласно компьютерной базе данных, номер, названный Станиславом, принадлежал вовсе не белой «Ауди», а старому «Москвичу» семидесятых годов выпуска. От переводчиков пока ничего не поступало.

– Там этих газет – пруд пруди... – сокрушенно вздыхая, поведал Орлов. – Ребята зашились в момент, позвонили мне, попросили подкрепления. Пришлось договариваться с инязом, оттуда прислали им на подмогу человек десять студентов. Дал команду сидеть безвылазно, пока хоть чего-нибудь не накопят.

– Слушай, я тебе сразу не сказал, а ты, видимо, не подумал о таком варианте – пусть парни залезут в Интернет, включают поиск материала по конкретному имени. Я, конечно, не

думаю, что там имеется сайт Кулькофф-точка-ру. Но, скорее всего, шансы есть, и неплохие, особенно если он засветился в прессе за последние дни.

– Лева, – в голосе Петра звучала бездна укоризны, – ну вот как после этого считать тебя ответственным человеком? Что ж сразу-то про эти технические штучки-дрючки не поставил в известность? А мы там людей над газетами парим целый день! Ладно, сейчас позвоню им, скажу про Интернет. Надеюсь, он есть в библиотеке.

Закончив разговор с генералом Орловым, Лев разочарованно развел руками.

– Все, как говорил Косой, «кина не будет». Номер «Ауди» оказался липовым. Скорее всего, выехав из пансионата, Дергачев поставил свои настоящие номера, и теперь его найти будет не очень просто. Давай-ка опять зайдем к директору, посмотрим личное дело физкультурника. Может, там есть зацепки. Должен же он был о себе рассказать хоть что-то реальное?

Эксперт упаковал мокасин в полиэтиленовый пакет, опера сели в «Волгу» и поехали обратно к пансионату. Поскольку Пират залезать в кабину, переполненную людьми, не захотел, Князев пошел обратно пешим ходом. Когда Гуров и Крячко вновь возникли на пороге кабинета Цирюльского, тот испуганно дернулся, как ужаленный осой.

– Ради бога, только не говорите, что нашли бездыханное тело мальчика!.. – умоляюще проговорил он, вновь начиная утирать обильные капли пота на лбу и лысине. – Я этого не переживу...

– Успокойтесь. – Гуров невозмутимо прошел к столу и сел в кресло. – Мы нашли всего лишь следы какой-то легковой машины на лесной дороге и в траве неподалеку от нее мокасин, скорее всего специально оставленный Алексом. Думаю, он сейчас жив, но находится в руках похитителей. А мы хотели бы увидеть вот что. Найдите-ка нам личное дело Дергачева. Вдруг там что-нибудь обнаружится?

– Сейчас, сейчас... – несказанно обрадованный директор поспешил к большому, неуклюжему сейфу, выпущенному скорее всего еще во времена освоения Магнитки.

Открыв его ключом, ничуть не меньшим, чем тот, что незабвенная черепаха Тортилла подарила проказнику Буратино, Цирюльский начал поспешно перебирать скрытый в его недрах штабель из папок и скоросшивателей, как ультрасовременных, с пластиковыми файлами, так и ветхозаветных образцов.

Постепенно его движения начали замедляться, а сам он вдруг налился багрово-свекольной краской.

– Ничего не понимаю... – наконец растерянно прошептал он. – Личного дела Дергачева в сейфе нет. Оно куда-то исчезло... Но ведь оно совсем недавно попадалось мне на глаза. Куда же оно могло деться?

– Кто, кроме вас, имеет доступ к сейфу? – спросил Стас, но, прищелкнув пальцами, безнадежно махнул рукой. – Хотя... Это такой «надежный» сейф, что опытный взломщик без проблем откроет его алюминиевой вилкой.

– Э-э... – директор изобразил на лице некую конфузливую озабоченность. – Да, собственно говоря, никто.

– А если точнее? – Крячко стал похож на кота, который, заметив раскормленного воробья, выпустил когти и изготовился к прыжку. – Вы хотя бы на время кому-нибудь давали ключи?

Цирюльский хотел было сказать: «Нет, не давал», но, встретившись взглядом с хищным взором Станислава, растерянно пролепетал:

– Ну, кому попало ключи я не доверяю. Только особо доверенным людям...

– А если без долгих предисловий? – бесцеремонно перебил его Крячко.

– Ну... Не так давно давал ключ Ниночке. Я был занят, а она собиралась подшить кое-какие материалы в личные дела. Ну... Она всего-то открывала сейф минут на пятнадцать. Все, что достала, положила на место. Я был рядом, это происходило у меня на глазах. Да и вообще,

я не считаю, что эти дела представляют собой нечто секретное. Их обычно хранят в простых шкафах, а не в сейфах.

– А в каких отношениях Ниночка была с Дергачевым?

– Точно сказать не могу. – Цирюльский с какой-то обиженной остервенелостью помотал головой. – Но он ей нравился – это определено. Ну, вы же его видели? От таких – женщины без ума... – раздраженно добавил он.

Причину нервозности директора Гуров понял мгновенно: тот проиграл на поле любовной битвы молодому, красивому сопернику и теперь исходил желчью при одном лишь воспоминании о своем поражении.

– Пригласите свою секретаршу сюда, – предложил он, но та вдруг сама заглянула в кабинет.

– Эдуард Вениаминович, – певуче обратилась к директору Ниночка, – рабочий день уже почти закончился. Можно, я сегодня уйду чуть пораньше?

– Подожди немного, задержись. – Цирюльский в очередной раз промокнул платком лысину. – Вот господа работники милиции хотят с тобой поговорить.

– Скажите, Нина, прямо и честно, – Гуров смотрел на секретаршу в упор, – Дергачев говорил вам, для чего ему нужно его личное дело?

Девушка, ошеломленная его вопросом, жалобно посмотрела на своего патрона, который и сам выглядел до предела растерянным, и почти прошептала в ответ:

– Да... Он сказал, что всякие интриганы и завистники пытаются выжить его с этой работы и ему очень нужно заменить некоторые фальшивые справки, подsunутые ими в личное дело. Он обещал, что как только внесет коррективы, то сразу же вернет дело обратно.

– Еще один, боюсь, не очень приятный вопрос: насколько вы с ним были близки? – все так же спокойно спросил Гуров, как, например, он мог бы спросить, который час.

Ниночка опустила голову и, закусив нижнюю губу, тихо выдавила:

– Более чем... Он мне сделал предложение...

В этот момент на Цирюльского было жалко смотреть. Он покраснел, надулся то ли от невыносимой ревности, то ли от обиды, а на его глазах подозрительно блеснула влага...

– Нам нужно знать место его жительства, – вставая, объявил Лев и посмотрел на часы. – Может, вспомните? Раз личного дела нет, то узнать неоткуда.

– Он в Москве снимал квартиру в каком-то, то ли 3-м, то ли 4-м Строительном переулке, – постепенно приходя в себя, сообщил Цирюльский.

– У меня дома где-то в блокноте есть его адрес... – удрученно сообщила Ниночка. – Вот только смогу ли найти? Скажите, он что, совсем не тот, за кого себя выдавал?

– Скорее всего да, – сочувственно глядя на нее, подтвердил Станислав. – Кстати, вы собираетесь отправиться домой на своей машине?

– Нет, она уже давно на ремонте. – Ниночка сокрушенно вздохнула. – Сейчас должен ехать Борис Борисович, хотела попросить его взять меня с собой. Правда, я бы предпочла ехать с кем-нибудь другим.

– Ну, если устроит наше «такси» – милости прошу! – Стас изобразил рукой что-то галантное.

– Наверное, и вам придется подъехать к нам в управление, чтобы составить фоторобот того самого господина Молясина. Давайте завтра утром, часам к девяти, по адресу... – Гуров взял лист бумаги и, написав адрес, отдал Цирюльскому.

Сидя на заднем сиденье «Волги» между криминалистом и Крячко, Ниночка, о чем-то думая, рассеянно смотрела вперед. Где-то вдалеке блеснул солнечный блик на крыше темно-синей «Мазды», бегущей впереди них по лесной дороге. Когда после очередного поворота «Волга» вывернула на прямой участок, «Мазда» оказалась от нее всего в полутора-двух сотнях метров. Неожиданно Ниночка негромко, но твердо объявила:

– Это они!..

– Кто – «они»? – Гуров стремительно обернулся в ее сторону.

– Какие-то подонки. Я их узнала вон по той страхоглядной роже, что прилеплена к багажнику. Месяц назад я ехала на работу с Виктором Семеновичем – это один из наших охранников, – и у него вдруг сломалась машина. Я пошла пешком. Неожиданно рядом со мной остановилась эта «Мазда», из нее выскочили двое парней. Они схватили меня за руки и потащили в кабину. Я закричала, но сопротивляться было бесполезно, они были намного сильнее. И тут внезапно на своей машине появился Леша. Он сразу же остановился и кинулся мне на выручку. Такой высокий, сильный... Эти уроды испугались и, отпустив меня, тут же уехали. После этого мы с Алексеем и стали встречаться... – добавила она чуть виновато.

– Да, «лейбл» себе на багажник они прилепили впечатляющий... А этот Леша не мог специально подстроить нападение, чтобы втереться в доверие? – задумчиво предположил Стас.

– Тогда надо было бы и охранника задействовать. А это уже риск. Скорее всего, – Гуров смотрел на непроницаемо-черные окна машины, – это или обычные придорожные отморозки, или те, кто нам нужен.

– То есть? – насторожился Станислав.

– Можно предположить, что мальчика схватили случайные похитители. Он ведь мог попасть и не к тем, кто организовал всю эту операцию. Подобной братии, безусловно, хорошо известно, чьи дети здесь отдыхают. Так что мимо такой добычи они проехали бы вряд ли.

– Тогда, Толь, иди на обгон и прижми их к краю дороги. Будем брать! – азартно объявил Крячко, доставая пистолет и передергивая затвор.

Гуров тоже достал свой «штейр», но в этот момент, словно испугавшись их намерений, «Мазда» вдруг резко прибавила ходу и попыталась оторваться. Анатолий, взъерошив усы, «притопил» акселератор до самого упора. «Волга», демонстрируя хорошую приемистость, тоже резко рванула вперед, вдавив в кресла своих седоков. Отчаянно скрежеща тормозами на крутых виражах, обе машины мчались по лесной дороге с сумасшедшей скоростью, рискуя в любой момент сорваться с дорожного полотна и на полном ходу впечататься в ствол дуба или сосны, которые, по несчастью, могли бы оказаться на пути.

К удивлению Стаса, Ниночка никак не отреагировала на начавшееся «ралли». Она напряженно смотрела на удирающую от них «Мазду», и ее как будто даже не волновало, что в любое мгновение эта гонка может завершиться катастрофой, в которой вряд ли кто смог бы выжить. Лишь один раз она как бы про себя пробормотала:

– Ну, давайте же, давайте! Уйдут ведь, гады!

– Выжимаю все что могу... – сквозь крепко сжатые зубы, не обращая ни к кому и сразу ко всем, нарушил молчание Анатолий. – Сейчас на прямую выйдем – могут оторваться.

– Лева, давай по колесам! – Исходя нетерпением, Стас толкнул Гурова в плечо.

Полностью опустив боковое стекло, Гуров, насколько это позволяла его комплекция, высунулся в окно и, щурясь от бешеного напора встречного ветра, попытался поймать на мушку заднее правое колесо «Мазды». Резкие, бьющие по ушам хлопки выстрелов в кабине звучали приглушенно и даже как будто миролюбиво. Израсходовав пятый патрон, Гуров «на автопилоте» выстрелил еще раз, но это уже было излишним – тяжело осев задом на правую сторону, «Мазда» резко крутанулась вправо и, не вписавшись в поворот, полетела, переворачиваясь, с невысокой дорожной насыпи в придорожный мелколесок. Когда она, перевернувшись в последний раз, встала на колеса, из ее искореженной кабины проворно, как зайцы, выскочили двое крупных, долговязых парней, которые, прихрамывая, но все-таки довольно резво кинулись в разные стороны, что-то крича друг другу на ходу.

Со скрежетом затормозив, «Волга» остановилась у обочины. Гуров и Крячко, не теряя ни секунды, распахнули заранее приоткрытые дверцы и кинулись в погоню. Стас побежал вслед за тем парнем, что уже успел скрыться в чащобе молодого сосняка, а Лев, побивая миро-

вые рекорды в спринте, ринулся за убежавшим вправо, в сторону поблескивающей меж деревьев Бобрухи. В этот момент из-под капота «Мазды» вырвалось пламя, которое в считанные секунды охватило всю машину. Анатолий с огнетушителем в руках и криминалист высочили из «Волги», но подходить к горящей «японке» не стали – дорожный огнетушитель потушить такое пламя был бессилён.

Гуров что есть духу мчался по лесистому склону. Под ногами, в такт прыжкам, глухо ухала земля, поросшая мелкой травой. По лицу то и дело хлестали тонкие ветви, громко шелестела листва, раздвигаемая на бегу плечами. Неожиданно сзади приглушенно грохнули три пистолетных выстрела. Через некоторое время раздался еще один.

Парень, преследуемый Гуровым, несмотря на только что пережитую аварию, мчался очень резво, и когда Лев находился только еще на середине склона, беглец был уже на берегу. Коротко оглянувшись, он стремглав кинулся в воду. Судя по всему, здесь глубина была не менее двух с половиной метров. Отчаянно загребая, бандит быстро добрался до середины реки, но в этот момент с берега, столь поспешно оставленного им, прозвучала грозная команда:

– Приказываю вернуться назад, иначе буду стрелять на поражение!

Поняв, что его преследователь шутить не намерен, беглец решил остаток водной преграды преодолеть затяжным нырком, чтобы выбраться из-под воды где-нибудь в стороне, желательно, среди прибрежных зарослей. Набрав в грудь побольше воздуха, он ушел почти к самому дну и, запоздало понимая, что запаса кислорода ему может не хватить, тем не менее напряженно работая руками, поплыл под водой.

Неожиданно его руки зацепились за что-то колышущееся, плохо различимое в зеленоватом сумраке глубины. Это «что-то» коснулось его головы, спины и ног. «Сеть! Рыбачья сеть! – мгновенно мелькнуло в голове. – Надо назад, а то запутаюсь...» Но было уже поздно. Крепкая «корейка», сплетенная из лески, непостижимым образом зацепилась за левую ногу и еще мгновение спустя, словно подчиняясь чьей-то воле, соскользнув с головы, прочно зацепилась за пуговицы рубашки. Понимая, что еще немного, и он захлебнется, беглец отчаянно рванулся вверх, однако сеть, судя по всему, успевшая за предшествующие дни зацепиться за придонные коряги, отпустила его совсем немного и, спружинив, опять увлекла вниз.

Безумное отчаяние охватило злосчастного беглеца, и он, вместо того чтобы за оставшиеся секунды попытаться выскользнуть из одежды и вынырнуть, начал биться и метаться, пытаясь разорвать охватившие его тенета. Но при этом он все больше и больше запутывался, окончательно становясь добычей стихии, чуждой сухопутному существу. Испытывая страшную, мучительную жажду одного-единственного глотка свежего воздуха, которого там, теперь уже где-то бесконечно далеко, так расточительно много, беглец не выдержал пытки удушья. С ужасом сознавая, что это конец, он непроизвольно, судорожно сделал вдох... Едкое ощущение холодной, пахнущей тиной воды, которая безжалостно залила носо-глотку и легкие, – было последнее, что он ощутил в своей жизни.

Когда преследуемый ушел под воду, Гуров замер в напряженном ожидании. Он сразу же понял его замысел и пристально смотрел на камыши, ожидая, что секунд тридцать-сорок спустя должен раздаться шелест прибрежных зарослей на другой стороне реки. Но время шло, а «подопечный» Гурова не давал о себе знать. Вдруг Лев обратил внимание на странные круги, расходившиеся по ряби волн не遠далеке от зарослей кувшинок. Чуть позже там же вздулись пузыри, как ему показалось, болотного газа. И лишь пару минут спустя он понял, что парень утонул, скорее всего за что-то зацепившись под водой. Он начал быстро сбрасывать рубашку и туфли. С одной стороны, ему нужен был живой «язык», с другой (ему было неловко признаться в этом самому себе), где-то в глубине души шевельнулось какое-то подсознательное сочувствие к утонувшему, пусть и законченному подонку, но, как ни верти, существу человеческого рода. Громко сопя и топая ногами, сзади подбежал запыхавшийся Крячко.

– Ты куда? – с трудом переводя дух, удивленно спросил он.

– Похоже, мой подопечный пустил пузыри. Надо бы вытащить. Вроде пяти минут еще не прошло, вода здесь холодная, так что еще есть шанс привести его в чувство.

– Ты что, с ума сошел? – Стас выразительно постучал себя по голове крепко сжатым кулаком. – Если он зацепился, то где гарантия, что не зацепишься и ты? Не пущу! На хрен нужно из-за какого-то отморозка жизнью рисковать?! Тоже мне, филантроп выискался.

– Ладно, теперь уже действительно поздно. – Гуров махнул рукой и начал неспешно одеваться. – Своего-то догнал? Ну и хорошо. Думаю, его показаний будет достаточно.

– Гм-гм... – при последних словах Гурова Крячко с непонятным смущением довольно сильно закашлялся. – Э-э-э... Понимаешь, Лева, мой-то тоже сейчас скорее всего дает показания чертям в дежурной части пекла.

– Что-о?! – Гуров замер, в упор глядя на своего приятеля. – Ты его что, завалил? Ну, вот что тут будешь делать?! Как всегда: на ровном месте – да мордой об асфальт! Сколько раз тебе говорил: по ногам, по ногам надо стрелять, Робин Гуд хренов...

– Да я по ногам-то и стрелял! – не на шутку вспылil Крячко. – Только не говори мне еще, что не надо было целиться в пятки, поскольку туда его бандитское сердце провалилось... Он по мне первый открыл огонь. Я ранил его в бедро, предложил сдаться. Гляжу, а он весь зеленый, кровяца из ноги хлещет – видимо, пуля перебила бедренную артерию. Он, видимо, понял, что дело его табак, и сам себе из пистолета в голову – бац! – и хана. А ты как всегда всех собак на меня спешешь повесить.

– Да... Дела. Вдобавок ко всему еще и машина сгорела. Теперь отпечатков ее шин не взять при всем желании, – поправив пиджак, Гуров сунул пистолет в кобуру. – Хреново! Считаю, мы топчемся все на том же месте, где топтались еще утром.

– Ну, это ты зря! – Крячко несогласно покрутил головой. – Мы уже достаточно хорошо знаем обстоятельства исчезновения мальчика, есть подозреваемые, есть...

– Да ни черта у нас нет! – Гуров недовольно отмахнулся и направился к дороге. – Где может находиться похищенный – мы не знаем, кто именно его похитил – не знаем, нам пока что неясны даже мотивы похищения. И хренуется всего то, что в результате наших не совсем удачных действий отправились в мир иной двое реальных, а не виртуальных подозреваемых. А вдруг мальчик действительно похищен ими? Как теперь узнать – где они его спрятали? Если они его заперли связанным, с заклеенным ртом в каком-нибудь заброшенном гараже, то, считай, нам его не найти!

– Ну что ж мне теперь, лезть в воду за утопленником и начинать делать ему искусственное дыхание? – угрюмо буркнул Станислав.

– Ага, рот в рот... – усмехнулся Лев. – Надо будет сейчас же вызвать сюда опергруппу из ближайшего райотдела, пусть займутся этими новопреставленными. Кстати, пусть Ниночка посмотрит на этого самострельщика. Вдруг опознает?

Несмотря на свою «кисейность», Ниночка оказалась барышней с довольно крепким характером и согласилась взглянуть на труп бандита. Тот лежал навзничь в уже загустевшей луже крови. Его лицо было искажено предсмертной судорогой, но девушка его сразу же уверенно опознала:

– Да, это один из тех двоих, – кивнула она. – Он первый выскочил из машины и схватил меня. На его руке я заметила татуировку – змея, обвивающая меч или кинжал... Точно уже не помню.

Неспешно занимающийся своими исследованиями криминалист носком ботинка перевернул правую руку бандита, и Гуров на тыльной стороне ладони увидел татуировку, о которой только что сказала Ниночка.

– Теперь, Нина, вам нужно будет написать свидетельские показания, – известил Лев, провожая ее к машине. – Потом мы вас довезем до дома. Кстати, а вы после того нападения с заявлением в милицию обращались?

– Сначала хотела написать, а потом... Вы не обижайтесь, Лев Иванович, но я не была уверена, что их кто-то будет искать. Что попусту тратить время – и свое, и чужое?

– Лев, созвонился я с Петром, он в печали, – увидев Гурова, сообщил Станислав. – Его выражений, адресованных нам, повторять не буду – они не для нежных женских ушей. Опер-группа и катафалк сюда уже выехали. Нам дана команда немедленно ехать в управление, лицезреть нас Орлов хочет лично. Криминалисту велено оставаться здесь. Вернется позже, с опер-группой или катафалком.

Глава 5

Орлов встретил краткий, суховатый доклад Гурова довольно прохладно. Некоторое время помолчав, он хмуро резюмировал:

– Результаты на уровне полного пшика. День, считай, прошел впустую. Осталось всего два дня.

– Еще не вечер! – Стас попытался выдать эту сентенцию как можно бодрее, но получилось уныло.

– Да где ж не вечер? Солнце уже приближается к закату... Скоро он уже, скоро. Дальше что думаете делать? – Взглядом Великого Инквизитора Орлов воззрился в сторону стоически сдержанного Льва.

– Сейчас нужно будет попытаться найти место жительства некоего Алексея Дергачева. Думаю, нелишне будет посетить и бывшего физкультурника пансионата. Вдруг он вспомнит ту, что специально заразила его венерической болезнью? А найдя ее, мы могли бы узнать, кто заказчик этого бактериологического секс-теракта – сам Дергачев или кто-то другой. Полагаю, на сегодня этого хватит выше крыши. А завтра с утра...

Его перебил звонок телефона. Петр молча выслушал собеседника и, положив трубку, сообщил:

– Звонили наши полиглоты. Удалось найти кое-какую информацию о нашем Кулькоффе. В Интернет-версии одной из американских газет нашли заметку о предстоящем разводе Майкла Кулькоффа с его второй женой. Пока это все.

– Негусто... – разочарованно вздохнул Гуров. – Вроде и богач, а что-то мало о нем пишут. Так вот, завтра с утра займемся нашими сегодняшними усопшими. Надеюсь, их отпечатки пальцев в картотеке есть. Возможно, что-то с этого конца прояснится. Попробуем поискать по картотеке тех, кто уже засветился на похищениях людей в составе банд. Так что может быть...

– Ох, не люблю я этих слов «может быть»! – Петр достал сигарету и закурил. – Может – быть, а может – и не быть... У нас результат должен быть вне зависимости от всяких там «может». Ладно, занимайтесь, буду ждать известий.

Выйдя от Орлова, приятели после недолгих дебатов распределили намеченные адреса. Стас настоял, чтобы поиск, как он выразился, «логова» Дергачева выпал ему. Гуров, не страдавший избытком привередливости, согласился съездить к бывшему физкультурнику пансионата.

Адрес физкультурника, который по паспорту именовался Саниным Валерием Игоревичем, Лев взял из его личного дела в пансионате. Сев в кабину своего «Пежо», с самого утра застоявшегося на служебной парковке, Гуров влился в традиционно плотный поток автотранспорта и, лавируя между «шумахерами» и «чайниками», направился в сторону Садового кольца. Проехав с полкилометра по кольцу, он свернул в сторону Химок.

Минут через сорок он поднимался по лестнице девятиэтажки с довольно ухоженным, чистеньким подъездом. Скорее всего здесь заправляла общественными делами какая-нибудь бойкая тетка, типично российская «бой-баба», которая, кипя избытком праведной энергии, мобилизовывала соседей на благие дела по наведению чистоты и порядка. Найдя нужную дверь, Гуров нажал кнопку звонка. Вскоре в квартире послышались шаги, и на пороге Лев увидел парня крепкого сложения лет двадцати семи с короткой стрижкой, но при всем том чем-то похожего на типичного Иванушку-дурачка из русской народной сказки.

Представившись и пройдя в квартиру, Гуров профессиональным, оценивающим взглядом быстро окинул обстановку. Скорее всего хозяин не миллионерствовал, однако и нельзя было сказать, что он испытывал нужду. Мебель, вещи и все прочее, что находилось в квартире, носило отпечаток некоторой аскетичности. Чувствовалось, что их уже очень давно не

касалась женская рука. В углу на столике работал большой импортный телевизор. Шла какая-то информационно-аналитическая передача. С экрана выступал известный экономист, вещая о грядущих позитивных переменах в экономике.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.